

СМЕНА

№6 / июнь / 2011

.. НОВОСТЕЙ

БОЛЬШЕ

.. НЕТ

Smena

11006

9 770131 665607

С А Н К Т - П Е Т Е Р Б У Р Г

усадыба jazz

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ В ЦПКиО им. С.М. КИРОВА

ЕЛАГИН ОСТРОВ

**2 и 3
ИЮЛЯ**

с 16:00 до 23:00

ОРГАНИЗАТОР

**art
mania**

Более **20 коллективов** на **2 сценах**

БИГ-БЭНД им. ОЛЕГА ЛУНДСТРЕМА
JEAN-JACQUES MILTEAU (FRANCE), BILLY'S BAND
НИНО КАТАМАДЗЕ И INSIGHT (ГРУЗИЯ)
AVISHAI COHEN TRIO (ISRAEL)
MASS AVE PROJECT (USA)
ZAR МАМА (BELGIUM), ЖЕНЯ ЛЮБИЧ
WWW.USADBA-JAZZ.RU

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

С ИЮЛЯ 2011 ГОДА ЖУРНАЛ «СМЕНА»
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ СТАНОВЯТСЯ
ЕДИНЫМ ИЗДАНИЕМ

Во втором полугодии 2011 года на 192 страницах журнала вы сможете прочитать лучшие детективы, остросюжетные романы и повести российских и зарубежных авторов, рассказы самых интересных молодых писателей. Мы продолжим публикацию незнакомых большинству наших читателей произведений отечественной прозы XIX и XX веков. В портфеле очерки о великих художниках и судьбах созданных ими шедевров, материалы о ярких судьбоносных событиях отечественной и мировой истории. Мы планируем печатать материалы о невероятных и удивительных фактах и явлениях окружающего нас мира. С нами продолжают сотрудничать ваши любимые авторы: Светлана Бестужева-Лада, Денис Логинов, Елена Логунова, Анна и Сергей Литвиновы, Ирина Опимах, Сергей Чекмаев, Евгения Гордиенко, Екатерина Пименова, Варвара Ключева...

Вы можете подписаться на журнал «Смена» со второго полугодия 2011 года в любом отделении почтовой связи по следующим каталогам:

- КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ» Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов
Индекс 70820 — для остальных подписчиков
- КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ» Индекс 99406 — для всех подписчиков
- ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ» Индекс 88998 — для всех подписчиков

№ 6, 2011

КОЛОНКА
5 Кризис журналистики
Ольга Романова

ГЛАВНАЯ ТЕМА
6 Ароморфозы
Евгений Ястребов

8 Якобы неподцензурное пространство
Евгений Ястребов

10 Искушение четвёртой власти
Василий Гатов

12 Правила ремесла
Андре Лорш

ИНФОГРАФИКА
13 Эволюция функции
Валерий Харламов

ОСВЕЩЕНИЕ
14 8 фильмов о журналистах
Анна Шеркунова

16 *ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК*
Реформатор всея Руси
Светлана Бестужева-Лада

28 *НЕФОРМАТ*
Малиновый звон и крепкие кулачки
Денис Логинов

32 *НАШИ ПУБЛИКАЦИИ*
Нелёгкий писатель
Евгения Гордиенко

36 **Неодушевлённый враг**
Андрей Платонов

40 *НАШИ ПУБЛИКАЦИИ*
Гуашь с кровью
Олег Овчинников

48 *ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК*
Пантеон русской славы
Сергей Бехлер

59 *ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК*
«Маленькие сады» Джакомо Пуччини
Денис Логинов

Главный редактор
Михаил Григорьевич Кизилов

Заместитель главного редактора
Тамара Васильевна Чичина

Корректор
Юлия Борисовна Воронова

Проект www.smena-online.ru
Веб-редактор
Анна Игоревна Шеркунова

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»:

Генеральный директор
Дмитрий Юрьевич Мерекко
Главный бухгалтер
Любовь Александровна Бижко
Директор по распространению
Мария Александровна Яркина
e-mail: sales@smena-online.ru
Офис-менеджер
Людмила Николаевна Калинина

Учредитель и издатель — Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом журнала «Смена»
Адрес издателя и редакции:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07, факс (499) 257-13-78

Отпечатано ОАО ордена Трудового Красного Знамени
«Чеховский полиграфический комбинат»
142300 МО г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Тираж — 55 000 экз. Зак. № 1623

Журнал зарегистрирован в Комитете
Российской Федерации
по печати (Пер. № 014832)
www.smena-online.ru
Подписные индексы:
каталог «Роспечать» 70820
каталог «Объединённый» 88998
каталог «Почта России» 99406

Подписка в Интернете: www.mega-press.ru

ParaType

© ООО «Журнал «Смена» 2011

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Обложка: **Андрей Кузнецов**

Цена свободная
Номер подписан в печать: 23.05.2011

СМЕНА

Издаётся с января 1924 года

№ 6 (1760) ИЮНЬ 2011

Что читают, что будут читать наши дети, и будут ли вообще читать? Эта тема стала уже давно притчей во языцех, но тем не менее мы к ней возвращаемся в июньском номере. Тем паче эволюция журнала «Смена» в последние годы даёт возможность сделать некоторые выводы.

С октября 2008 года мы стали делать журнал для молодёжи, в котором стремились предлагать актуальные для сегодняшнего дня темы. Но, как показывает практика, современного молодого читателя (и, естественно, не только молодого) гораздо более интересуют материалы «о вечном»: очерки мировой и российской истории, эссе о шедеврах живописи и судьбах их создателей, незаслуженно забытая проза русских и зарубежных классиков, исследования загадочных и ранее необъяснимых событий в науке, остросюжетные произведения талантливых авторов...

Именно поэтому с октября прошлого года мы начали издавать литературно-художественное приложение к журналу «Смена», которое сразу же стало популярным среди читателей. И именно поэтому с июля 2011 года журнал и приложение становятся единым изданием, форматом приложения и объёмом почти в два раза большим — 192 страницы.

И с содержанием приложения — с темами вечными и всегда востребованными.

Казалось бы, всё это можно найти и в Интернете, но, как показывает многолетний опыт, дело в качестве. Сегодня мы можем предложить вам, уважаемые читатели, действительно профессиональные, талантливые написанные материалы, с которыми, как вы хорошо знаете, «в Паути-не имеет место быть некоторое напряжение».

Что из этого получится, судить вам.

А о том, что будут читать наши дети (и будут ли вообще читать) и что происходит с профессией «журналистика», размышляют наши авторы и эксперты.

Позвольте ещё раз акцентировать ваше внимание, что с июля 2011 года журнал и его приложение становятся единым ежемесячным изданием, подписку на которое можно оформить по любому каталогу или через редакцию.

С уважением, **Михаил Кизилов**

Кризис журналистики

Ольга Романова, профессор кафедры деловой и политической журналистики НИУ ВШЭ

В Высшей школе экономики скоро не будет отделения деловой и политической журналистики.

И я этому очень рада.

Потому что журналистика исчезает, хотим мы этого или нет, это профессия двух предшествующих веков. На этом месте стоило бы забубенить отрывок из песни Утёсова про извозчика: «Встань, Маруся, в стороне». Журналист стал извозчиком XXI века: хочешь выживать — овладей профессией таксиста, машиниста, лётчика и доставляй своих седоков (то есть информацию к потребителю) другим транспортом. У нас в НИУ ВШЭ отделение журналистики станет факультетом коммуникаций. Для начала будем изучать «двигатель внутреннего сгорания» — мультимедийность и конвергентность, а там и новые песни придумает жизнь.

Кризис классической журналистики — явление общемировое. Трактор идёт на смену крестьянской лошадке, деваться от него некуда. Но в России, как обычно, свой путь и свои

запечные тараканы, устойчивые к дихлофосу. Наш профессиональный кризис усугубляется ощущением ненужности, ведь одна из главных функций медиа — коммуникация между обществом и властью. Но это пройдёт, ибо никакое общество без такой коммуникации в исторической перспективе долго не протянет. Любая профессия рано или поздно оказывается в кризисе, что всегда иллюстрирует чёткий гендерный показатель — девочки. Как только в профессию идут в основном девочки, можно смело констатировать кризис. Когда я поступала в финансовый институт, в группе были в основном девочки, выделялись разве что мальчик Прохоров и мальчик Хлопонин. А сейчас — сами понимаете, финансовая профессия давно поменяла статус и гендерный состав, и вовсе не потому, что изменились финансы — изменилась страна. Дальновидные люди идут получать профессию именно в тот момент, когда она в кризисе, ибо к моменту окончания вуза кризис

может и закончиться, вечных кризисов не бывает.

Совсем недавно профессия преодолела проблемы, связанные с появлением блогеров и соцсетей. Влиятельные блогеры не стали журналистами, но стали ньюсмейкерами, как и положено ярким людям. Ведь чем берут блогеры? Тремя вещами: оперативностью, сжатым изложением (современный потребитель информации имеет видоизменённый мозг, явление получило определение «твиттеризация сознания») и обратной коммуникацией. Профессионалы нашли адекватный и естественный ответ, понятный публике.

1. На блогерскую оперативность ответили факт-чекингом (проверка фактов): быстро не означает точно и правдиво, к тому же блогер за свои слова не отвечает, а СМИ можно закрыть за диффамацию.
2. Профессионалы научились писать коротко и сжато — невелика хитрость. К тому же вернулся спрос на длинные качественные тексты — надо только прилепить к ним «твит-контент», то есть краткое содержание.
3. Блогеры милы публике тем, что вступают с ней в дискуссию. Ну, теперь это делают и профи — те, кто хочет остаться в профессии.

В общем, как говорил в другом веке человек, который мог бы стать хорошим блогером, но стал плохим профессионалом, «цели определены, задачи поставлены — за работу, товарищи». ☐

АРОМОРФОЗЫ

Евгений Ястребов

Я не учёный, а эта статья не автореферат диссертации. Для научной работы нужны обзоры, ссылки на работы других учёных, факты и доказательства. И когда-нибудь они будут собраны — собраны исследователями, для которых первые десятилетия XXI века станут предметом изучения.

«Нельзя оценить покроей пиджака, сидя в его кармане», — говорил один из героев Стругацких. Почти невозможно осознать эпоху, в которой ты живёшь, не имея возможности заглянуть в будущее. И тем не менее давайте попробуем это сделать, потому что в небольшом событии, связанном с журналом «Смена», можно разглядеть отражение процессов, ежесекундно меняющих нашу действительность и будущее.

Издательский небизнес

Этот номер «Смены» — последний, в котором есть журналистские материалы. С июля журнал становится чисто литературным изданием, обслуживающим библиотеки и своих преданных подписчиков, остающихся с журналом десятилетия.

И ничего оригинального в этом нет. Количество изданий, потерявших читателей, рекламодателей и закрытых в период кризиса, насчитывает десятки только в России. Среди них нишевые, общественно-политические, ориентированные на бизнес и потребительские.

Два десятилетия назад ситуация была прямо противоположной. Закон «О средствах массовой информации»,

принятый сначала в СССР, а потом — в России, был едва ли не первым официальным актом, узаконившим свободу слова как реально действующий принцип. Этот закон привёл к тому, что в первое десятилетие после его принятия в стране появились тысячи новых медиа, в первую очередь печатных — для газет «порог входа» на рынок был самым низким.

Ряд появившихся в тот момент медиакомпаний представлял собой реорганизованные советские издания или отпочковавшиеся от них проекты, за некоторыми стояли вновь организованные структуры местных администраций или экономические группы. Очень немногие СМИ изначально задумывались как бизнес. Им пришлось тяжелее всего, ведь бизнес требует постоянных доходов.

И тогда случилась удивительная вещь. Информация, которая традиционно является источником доходов и читательского интереса для печатных медиа (частные объявления, классифицированная реклама, телепрограмма), обрела собственные носители. За объявлениями о продаже квартиры читатели обращались в «Из рук в руки» или «Всё для Вас», за телепрограммой — в «Антенну» или «Семь дней», а телефоны всех фирм города, вставляющих пластиковые окна, без труда можно было найти в «Экстре» или «Ва-Банке». Лишь единицы информационных изданий, как местных, так и федеральных, смогли сформировать аудиторию, достаточные для конкуренции с «утилитарными» газетами, как правило, за счёт сенсационности в подаче

материала и заигрывания с читателями.

Однако проблема простых проектов в том, что их легко скопировать, особенно если появляется фактор, который делает порог входа ещё ниже. Таким фактором для «утилитарной» прессы становится Интернет. Классифицируемые проекты, интернет-каталоги и сайты телекомпаний отбирают и в конечном итоге отберут всю их аудиторию.

Просто потому, что так удобнее

Давайте скажем честно. Время, когда подшивки газет и журналов аккуратно переплетались и штабелями хранились на антресолях или в дачных домиках, ушло. Время, когда в пыли библиотеки можно было отыскать редкий манускрипт или неизвестную монографию, больше не вернётся. Книжки будут покупать не из-за красивых обложек или множества страниц, с огромными полями и гигантским шрифтом, а только для того, чтобы прочитать текст — с помощью e-book.

И хорошо ещё, если прочитать. Новости будущего — это фото- и видеосъёмки очевидцев события, с комментариями или без, выложенные на видеохостинг или в соцсеть, а вовсе не ленты агентств.

Но это только симптомы тех процессов, которые происходят или вот-вот произойдут.

Естественный отбор

Да, наша медийная история коротка и специфична. Отчего же про кризис медиа и журналистики как профессии говорят в странах, где эта индустрия имеет традиции существования в качестве устойчивого бизнеса?

Благодаря эволюционной теории Дарвина естественные науки имеют возможность более объективно описывать процессы изменений, чем гуманитарные. Их методы здорово подходят для современного маркетинга, поскольку описывают приспособления

организмов с точки зрения потребностей, выдвигаемых новой средой обитания. Например, для освоения суши нашим далёким предкам потребовались новые органы дыхания, кожный покров, который сохраняет влагу, способ размножения, не требующий воды. Такие «приобретения» называют ароморфозами.

Главными «социальными ароморфозами» в истории развития человека стали способность изготавливать орудия труда (и войны) и членораздельная речь. Именно последнее «приобретение» позволило нашим пращурам вытеснить с лица земли не менее умелых, но менее коммуницирующих «кузенов».

С точки зрения биологии за последние 40 тысяч лет человек практически не изменился. Намного более поздним «даром», который практически во всех культурах приписывается богам, стала письменная речь. Во многом наше трепетное до сих пор отношение к книге связано с сакральным характером первых текстов, которые переписывались в ограниченном количестве экземпляров. Неслучайно первым объектом массового тиражирования после изобретения печатного станка стала наиболее сакральная из всех книг — Библия.

Очень скоро, однако, печатать стали и другие книги. А вскоре появились и газеты — сначала как коммерческие сводки, а затем и как «фабрики новостей». Нужно сказать, что современникам серийное производство новостей казалось обманом, ведь до появления газет люди тоже получали новости, только не массово и не регулярно.

Новые технологии передачи новостей — радио и телевидение — по прогнозам, должны были уничтожить прессу ещё в XX веке. Этого не произошло главным образом потому, что каждая новая технология «задирает» планку для входа на рынок выше и выше: начальные инвестиции в издание газеты ещё недавно были в разы ниже, чем для начала радиовещания,

и на порядки меньше, чем для запуска телестанции.

Говоря языком биологии, в экологической нише массмедиа просто появлялись всё новые и новые виды.

То, что мы наблюдаем сегодня, — явления совершенно другого уровня.

Из глубин информационного океана поднялся целый цифровой континент, на котором обитают 4,3 миллиарда пользователей сотовых телефонов и 2 миллиарда пользователей Интернета.

Условия позволяют переводить информацию любого вида в цифровой формат (видео — в DVD или Blu-ray; аудио — в MP3; фото — в jpeg; про текст и говорить нечего).

Устройства, позволяющие создавать, принимать, воспроизводить эту информацию, становятся всё более доступными, компактными, универсальными, «дружелюбными» по отношению к пользователю.

У пользователя появляются новые потребности, привычки, способности развлечения, которые он имеет возможность удовлетворять немедленно.

Как миллионы лет назад изменение состава атмосферы, развитие флоры и мягкий климат сделали сушу привлекательной средой обитания, где и развились самые сложные формы организмов, так и сегодня цифровой континент обещает невиданные возможности своим обитателям. Ведь он базируется на главном нашем эволюционном приобретении — способности общаться друг с другом.

Но этот континент только кажется землёй обетованной. Борьба за существование продолжается и здесь. Уже канули в Лету технологии первых лет существования Интернета. Уже сама Всемирная паутина чувствует, что тектонический разлом мобильных приложений грозит сузить её ареал.

Дивный новый мир

Через руины полуразрушенного здания с арками и колоннами колонна молодых людей движется вдаль — туда, где над футуристическими

зданиями и виадуками в небе парят самолёты и дирижабли. Они несут красные флаги, на одном из которых написано: «Мы — строители новой жизни». Это обложка самого первого номера «Смены», вышедшего в январе 1924 года. Если почитать статьи, опубликованные в 20-х годах, в каждой из них можно найти один и тот же посыл: «Живи по-новому. Ни в коем случае не делай так, как делали твои отцы и деды».

Нечто похожее мы наблюдаем сегодня. Примеры резких взлётов главных героев цифровой революции заставляют молодых людей задумываться: «Как, мне уже 25, а я ещё не стал Сергеем Брином?». Поколенческие авторитеты — здесь же, за соседней партией, а не среди старших товарищей. Самые интересные для молодых людей вакансии сегодня — в управлении WEB-проектами, технологических разработках, сетевом бизнесе. 30-35 лет сегодня — это верхний возрастной порог попадания в онлайн-индустрию.

В какой-то степени фундамент передачи знаний из поколения в поколение рухнет. Зачем читать произведение целиком, когда поисковик найдёт нужную цитату? Чему ты научишься у преподавателя, весь опыт которого приобретён в доцифровую эпоху? Сегодня больше примеров того, как тинейджеры учат родителей онлайн-общению или использованию соцсетей.

Однажды моя знакомая, которая занимается интернет-стартапами, спросила: «А ты знаешь, о чём мечтают 25-летние интернетчики на кухнях за пивом? О том, как здорово бы не заниматься всякой фигнёй за компьютером, а взять в руки что-то тяжёлое, типа лома, и помахать им».

Подумываю купить где-нибудь в районной типографии старый станок с ручной прокаткой, свинцовыми литерами и рамой и экскурсии водить. Быть может, в таком виде сохранится бумажная пресса? ☐

ЯКОБЫ НЕПОДЦЕНЗУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Евгений Ястребов

«Новости – это то, что кто-нибудь хочет зажать. Всё остальное – просто реклама».

Альфред Хармсворт (Лорд Нортклифф), издатель газет The Times и Daily Mirror в первой половине XX века

Статья о приближении атмосферного фронта называлась «Холода надвигаются с севера».

«Что вы этим хотели сказать? – спросил редактора чиновник, в обязанности которого входила читка газетных страниц перед отправкой в типографию. – Это намёк на наших северных соседей?»

Заголовок над прогнозом погоды пришлось поменять.

Эта история, которую десять лет назад рассказал знакомый узбекский журналист, долгое время была моим любимым профессиональным анекдотом на семинарах для российских газетчиков. У молодых журналистов она вызывала восторг своей абсурдностью, опытные коллеги усмехались, вспоминая времена, которые давно прошли.

Казалось, что Главлит, цензура и прочие советские атрибуты никогда не вернуться в Россию. «Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается» — это 29 статья Конституции РФ. «Цензура массовой информации, то есть наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей, не допускается» — это Закон РФ «О средствах массовой информации», статья 3.

«Те, кто в течение последних десяти лет использовал для освещения событий интернет-ресурсы, считали естественным, что развитие технологии - в их интересах», — пишет Дэнни О'Брайен, координатор Комитета в защиту журналистов по защите свободы прессы в Интернете. Однако сегодня интернет-журналисты становятся жертвами новых видов преследования, характерных именно для этой информационной среды. Сетевые методы борьбы с прессой, от слежки за авторами посредством специального вредоносного ПО до «своевременной» цензуры, способной стереть неугодные новостные веб-сайты из Интернета в самый неподходящий момент, становятся всё изощрённее и распространяются всё шире.

В марте Эндрю Якобс, корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» в Пекине, впервые внимательно изучил настройки своего электронного почтового ящика на сервере Yahoo. Во вкладке «Перенаправление сообщений» был указан совершенно незнакомый ему электронный адрес. В течение многих месяцев на этот самый адрес пересылались копии всех его входящих сообщений. Его ящик был взломан.

Незаконная онлайн-слежка привела к арестам десятков китайских журналистов. Самым заметным стало дело редактора Ши Тао, приговорённого в 2005 году к 10 годам тюремного заключения по обвинению в антигосударственной деятельности на основании его электронной переписки на сервере Yahoo.

Даже в странах, уступающих Китаю в развитии технологий, теперь используются всё более сложные технические средства. В 2009 году во время акций протеста на выборах в Иране, когда арестовали обозревателя

Newsweek Мазияра Бахари, пытавший его в тюрьме Эвин следователь сразу же потребовал у журналиста пароли к его учётным записям в Facebook и электронной почте для проверки адресных книг. В декабре того же года WallStreetJournal сообщил, что в вооружённых силах Ирана создана группа из 12 человек для выслеживания людей, «распространяющих лживую и оскорбительную информацию» о действующем режиме в сети Интернет.

Размах и разнообразие онлайн-атак на репортёров в 2010 году говорит о том, что к ним прибегали не только правительства, располагающие миллионами для создания военной кибер-полиции. Даже самые бедные авторитарные государства смогли организовать сложные, высокотехнологичные атаки на независимые СМИ или, по крайней мере, извлечь из таких атак выгоду. Самым простым видом виртуальной атаки является санкционированная государством интернет-цензура: блокирование веб-сайтов СМИ в масштабе всей страны. Эта практика, давно существующая в таких странах, как Китай и Иран, теперь распространяется и на страны с самым низким в мире процентом пользователей Интернета среди населения.

Аудитория пользователей сети Интернет в Эфиопии крошечная, однако страна занимает одно из первых мест в мире по степени угнетённости прессы. Органы госбезопасности страны вынудили сотрудников независимой газеты Addis Neger бежать из страны незадолго до национальных выборов, проводившихся в мае 2010 года. Но перед тем как создать независимый веб-сайт, редактор Addis Neger Месфин Негаш столкнулся с необъяснимым препятствием. Его страница в Facebook со всеми онлайн-высказываниями была удалена.

контактами Addis Neger была удалена собственной службой поддержки Facebook.

После того как Комитет в защиту журналистов связался с Facebook и подчеркнул важность и правомерность деятельности Addis Neger, социальная сеть восстановила связь Негаша с его сторонниками в Интернете. Facebook никак не объяснил факт удаления учётной записи, заявив лишь, что это была ошибка.

Хотя регистрация веб-сайтов в России не обязательна, многие интернет-журналисты считают, что без неё они не смогут выполнять основные репортёрские функции, такие как участие в пресс-конференциях, освещение политических событий и проведение интервью с официальными источниками. Но в других странах СНГ, таких как Белоруссия и Казахстан, обязательная регистрация средств массовой информации стала мощным инструментом контроля, фактически ставящим вне закона голоса отдельных интернет-журналистов, если они не выполняют крайне жёсткие требования регистрации — требования, которые становятся ещё более несоразмерными в применении к индивидуальным блогерам с ограниченными ресурсами или к тем, кто обменивается мнениями с небольшой аудиторией в социальных сетях.

Российские онлайн-СМИ не подвергаются неприкрытому контролю со стороны центрального правительства, который можно было бы сопоставить с цензурой Интернета в Китае; обычные пользователи не подвергаются высокотехнологичному регулированию интернет-трафика, которое применяют, например, власти Ирана. «За последние несколько лет российские власти со всей очевидностью дали понять, что не рассматривают введение открытой цензуры», — сказала Флориана Фоссато из Института изучения журналистики агентства Рейтер в беседе с Комитетом в защиту журналистов. Но она утверждает, что любые другие средства уже используются, «от расплывчатых формулировок в законодательстве об экстремизме

до хакерства и контроля за деятельностью интернет-провайдеров».

В публикации 2010 года Рон Дейберт и Рафал Рохозински, главные расследователи организации OpenNet — всемирного научного проекта по мониторингу фильтрации и наблюдения, охарактеризовали состояние контроля за Интернетом в СНГ как опережающее «на несколько поколений» те формы контроля, которые существуют в остальных странах мира. По мнению авторов, механизмы контроля в Рунете не только включают способы притеснения прошлых лет, но и предопределяют формы будущего контроля за Интернетом в мировом масштабе.

Крупнейший цензурный интернет-скандал разразился в конце марта этого года, когда блогеры Рунета обнаружили, что в поиске «Яндекса» по картинкам отсутствуют фотографии резонансных общественных событий последнего времени.

«Ау, «Яндекс»? Я знаю, вы прочитаете этот пост. Мы здесь в ЖЖшечке очень ждём ваши официальные комментарии. А то без них какие-то нехорошие мысли в голову лезут (и могут там остаться)», — выразил недовольство юзер Ibigdan, пост которого от 25 марта вызвал большой резонанс в «Живом журнале».

По утверждению блогера, при вводе в поиск по картинкам «партия воров и жуликов плакат», Google выдавал картинку с конкурса плакатов Алексея Навального, а «Яндекс» замалчивал эту тему. То же самое происходило при запросе «пора меняться»: на Google сразу «вылезали» фотографии плаката в защиту Ходорковского, который был вывешен на мосту напротив Кремля, в «Яндексе» ни одной подобной картинки на момент публикации сообщения в блогах обнаружить не удавалось.

На «Рамблере» обнаружилась сходная ситуация: хотя результаты отличались от того, что показал «Яндекс», тема конкурса Навального или акции в защиту Ходорковского там тоже отсутствовала.

В «Яндексе» отрицали введение какой-либо цензуры и объяснили

отсутствие актуальных картинок техническими неполадками: «Разговоры о цензуре всегда начинаются в те редкие случаи, когда наши алгоритмы (роботы) не срабатывают достаточно корректно», — сетует представитель поисковика. Блогеры в комментариях также чаще склонялись к лучшей работе сервиса Google. На момент сдачи номера оба поисковика выдают сравнимые результаты. А вот результаты поиска в «Рамблере» по-прежнему не содержат ожидаемых картинок.

По словам Флорианы Фоссато, даже те авторы в Интернете, которые готовы согласиться с такими формами контроля, обеспокоены недавними нападениями на видных и известных блогеров, таких как Олег Кашин, который был жестоко избит в октябре 2010 года. Но насилие применялось и раньше. Интернет-журналисты в России и во всём регионе, работы которых появляются в русском сегменте Интернета, известном как Рунет, подвергались физической расправе, нападениям и угрозам намного раньше, чем об этом начали говорить в Москве и на Западе. Кашин, например, освещал тот же широко обсуждавшийся проект дорожного строительства, о котором писал редактор газеты Михаил Бекетов, также избитый два года назад.

Притеснение журналистики в Рунете естественно развилось из того контроля, который применялся в отношении традиционных новостных СМИ. В России, несмотря на то что Конституция гарантирует свободу слова и печати, существует несколько законов, которые давно ограничили эти права. Законы о клевете и о борьбе с экстремизмом, которые дважды изменялись с целью ограничения деятельности журналистов, сегодня распространяются и на авторов, работающих в Интернете. Уголовное преследование интернет-журналистов, особенно в регионах России, часто дополняется другими формами давления, включая угрозы, избиения и убийства. ☹

Искушение четвертой власти

Василий Гатов, руководитель Центра медиаисследований RIA Media Lab

Хорошо ли быть журналистом сегодня, на исходе первого десятилетия XXI века? И что это на самом деле значит — быть журналистом в мире, где почти каждый пользователь Интернета может выполнить всю работу, раньше называвшуюся журналистикой?

Когда я присоединился к газетному цеху, в ходу был профессиональный термин «гранки», за 20 с лишним лет превратившийся в абсолютный анахронизм. Погружение в мир телевидения в 1987-м познакомил с термином «эфирная папка» — он анахронизмом окончательно не стал, правда, утратил свой точный, «цензурный», смысл. Вместе со словами умирали, переходя в пассивные части словаря, и значения: главный редактор федеральной газеты из члена ЦК КПСС на глазах становился просто высокооплачиваемым гибким профессионалом;

спецкорреспондент из «белой кости» редакций стал просто более опытным журналистом; а уж грозный термин «политический обозреватель» деградировал до уровня, на который даже слова не хочется тратить.

Реальность медиапрофесий в том, что за два последних десятилетия наша индустрия пережила невиданный взлёт, за которым последовало... нет, не падение, какая-то другая траектория. Чем больше я думаю о произошедшем, тем труднее становится определить это всё каким-то одним словом. Мы привыкли думать в определённых категориях: вот есть газеты и журналы, вот радио, вот телевидение. В одном секторе — коммерческий расцвет, соседствующий с практически полной деградацией профессии. В другом — тяжёлая борьба за существование вида, тоже порождающая деградацию, но совсем другой природы. В третьем — прибежище отвергнутых, что не способствует расцвету. (Эти определения никак не связаны с использованными выше названиями, их можно при желании отнести к любому сегменту.)

В постсоветской России СМИ понадеялись на гарантию статуса «четвёртой власти», посчитав достаточными свои заслуги времён гласности и перестройки, а также краткого периода «голодного расцвета» 1988-1996 годов. Не то чтобы для этого расчёта не было оснований — в смысле «услуг» Борису Ельцину и некоторым членам его пришедшей к власти команды всё было вполне адекватно. Однако и в целом индустрия массовой информации, в частности большинство газет, журналов, радио- и телестанций, для статуса «четвёртой власти» ничего особенного не сделала. За редкими примерами последовательной «копательской» работы, скажем честно, стояли неисчислимые

случаи «джинсы», оплаченного — в карман или в кассу — «чёрного пиара», участие в корпоративных конфликтах и пропаганда — в пользу власти, в пользу оппозиции, какая, в сущности, разница. СМИ 90-х (за почти единственным исключением в виде группы «Мост») жили бедно, но свободно — до августа 1998 года, когда для подавляющего большинства медиакомпаний наступил трындец. Как кара господня за почти единогласное участие в кампании «Голосуй или проиграешь», финансовый дефолт навалился на отечественную медиаиндустрию, убрав каждое четвёртое СМИ, а из оставшихся каждое второе поставив в зависимость от источника наличности и, естественно, желаний, похоти и воззрений этого источника.

Статус «четвёртой власти» зарабатывается не только политическим вкладом в устои государства (или их разрушение). Он сам по себе базируется на востребованности функций СМИ обществом, аудиториями — и прямо (деньгами) или косвенно (вниманием к рекламе) оплачивается. «Четвёртая власть» не должна быть зависимой от первых трёх — она действует по мандату общества, ожидающего от прессы свободного, открытого и внимательного контроля нанятыми управляющими; функции информирования и развлечения, просвещения и социальной организации являются не второстепенными, но точно менее значимыми в этой «гонке статусов».

Что же произошло на самом деле? Почему при смене политического вектора в конце 90-х, когда Путин решил забрать у олигархов «медиапушки», опять же — на фоне пусть чуть более многочисленных, но всё ещё редких примеров журналистики высоких стандартов (пусть не Липпмана, но хотя бы в русле его воззрений), — место голимои

заказухе стали уступать сервильность, покупная лояльность и «госконтракты»? К концу 2000-х для «обычных» медиа (прежде всего для газет и региональных теле- и радиостанций) стала нормальной ситуация, когда деньги госпиара составляли и 10%, и 20%, а у кого-то и 50% выручки. Государство, губернаторы, богатые муниципалитеты стали давать общественно-политическим СМИ то, что на самом деле надо было зарабатывать в отношениях с читателями — деньги и внимание. Они стали в значительной мере писать не о том, что интересует читателей, а о том, что интересует их спонсоров. Так из массовой практики СМИ довольно быстро был исключён главный элемент — контроль за властью в целом, на любом уровне, от околоточного до президента (ну кто же будет оплачивать такую сомнительную услугу?).

Те СМИ (прежде всего газеты и немногие журналы и радиостанции), которые смогли сохранить самостоятельность и достаточно ясные отношения — в том числе и коммерческие — с читателем, обеспечивали и обеспечивают и уровень контроля, и уровень информации, доступный в нашем неидеальном обществе. Более того, в сервильных и беспринципных СМИ работают (и достойно) многие журналисты, которые сами себе не делают «скидок», выполняют свою работу честно и в соответствии с высокими стандартами. Журналисты гибли в современной России за свои взгляды и деятельность, их сажали и сажают в тюрьмы, лупят обрезками трубы по голове, только эта достойная и честная борьба за право говорить правду и право свободно добиваться ответов на вопросы, поставленные обществом перед властью, не встречает массового спроса со стороны потребителей.

Это самый ужасный результат в бизнесе — когда придуманный, созданный, выведенный на рынок, проинвестированный товар или услуга находит только часть спроса, некое немалое, но экономически недостаточно большое количество потребителей. Бизнесмен, попадающий в такую ловушку, одновременно УЖЕ обязан сформированной группе потребителей поставлять товар, но УЖЕ не имеет денег, сил и особенно желания продвигать его в аудиторию, которой он безразличен или не к надобности. Журналистская профессия в современной России оказалась именно в таком положении: бросить всё и уйти в монастырь (уехать, стать управдомом, свинтить на Гоа) уже поздно, а сил и особенно средств возбудить аудиторию и снова стать лидером перемен (или лидером консервации) недостаточно.

Как следствие, СМИ поступают предельно по-русски — вместо решения проблемы начинают имитировать её решение — и на уровне процесса, и на уровне результата. Окружающие нас сегодня каналы массовой информации выглядят «как настоящие», но таковыми не являются, подменяя подлинную повестку дня её драпированным призраком, истинное значение мнений — искусственным цветком «медийности лица», точное и беспристрастное информирование — инфотейнментом, и так далее. Это если они стараются. Те же, кто встроены в систему госзаказа, давно и спокойно просто занимаются пропагандой, причём далеко не самой качественной и талантливой.

Я понимаю, что сказанное звучит как обвинение, но по-другому не получается, хотя я никого лично не имею в виду (с полным ушатом критики относюсь и к себе, участнику и иногда даже менеджеру совсем нелюбимых процессов 1990-2000-х),

пытаясь суммировать ощущения от информационного рынка в целом.

Есть известная максима, что каждый народ достоин своего правительства. Верно ли обратное? В случае со средствами массовой информации можно сформулировать, что уровень и качество их соответствуют той аудитории, на которую они рассчитывали. The New York Times не могла бы родиться в Грозном; Le Monde не могла бы быть налоговым резидентом Санкт-Петербурга, а с Ямского Поля никогда не будет вещать BBC — как бы нам, работающим в медиа, этого ни хотелось. Попытки сопротивляться предпринимались, предпринимаются и будут предприниматься, но пока только самые оптимистичные оптимисты могут считать «Ъ» или «Ведомости» ровней Wall Street Journal, а «Русский репортёр» — Der Spiegel (речь идёт не только и не столько о качестве журналистики или работы редактора, речь о подлинном влиянии, базирующемся на подлинном массовом спросе и внимании).

Чудес не бывает — как для превращения гранок в анахронизм потребовалось полтора десятилетия времени, мегатонны технологических изменений, смена двух поколений работников, так же и для достижения какого-то более или менее удовлетворительного статуса СМИ в России потребуется время. Не факт, что оно у нас есть, но... Словари не меняются указами, а статус общественного института не создаётся по мановению руки. ☞

Правила ремесла

Андре Лорш, член Международного альянса журналистов, тренер-практик по вопросам этики для журналистов Центральной Азии

Говорят, что новые технологии угрожают журналистике, что в развитых странах молодая аудитория уже больше не читает газеты, а находит необходимую информацию в Интернете. Правда находится в блогах, а не на сайтах традиционных СМИ, журналистика уже не нужна. Говорят то, что всегда говорили каждый раз, когда появлялась новая технология.

Радио якобы предвещало смерть печатной прессы, появление телевидения обозначило конец радио и кинематографии, а сегодня появление Интернета представляет настоящую революцию, в результате которой скоро исчезнут все предыдущие средства массовой информации. Мир доступен, посредники больше не нужны, не нужны ни СМИ, ни журналисты. Но как бы это парадоксально не звучало, в мире, характеризованном избытком информации, журналисты нужны как никогда раньше.

Нужны журналисты, способные не только передавать голые факты, но передавать их в том контексте, в котором они приобретают смысл. Нужны профессионалы, способные отличать факты от слухов, значимое от лишнего, определять степень достоверности

неисчислимых источников информации.

Нужны люди, которые способны расшифровать мир, способны понять чужую логику, чужую культуру, показать их в другом контексте, в другом обществе. Задача новой журналистики ещё заключается в том, что необходимо переломить те барьеры и стереотипы мышления, которые мешают понять чужую логику, чужой мир, другие края того же мира, в котором мы живём.

В 2008 году конфликт между Россией и Грузией стал очередным примером присутствия тех стереотипов, которые характеризуют сегодняшние СМИ. В российских СМИ мало кто сомневался в официальной версии событий Кремля. А на Западе не сомневались, что, скорее всего, Россия совершила нападение на Грузию. Когда принимали решение о признании Южной Осетии, говорили: Запад же признал Косово. Западные СМИ считали, что это совершенно разные ситуации, которые нельзя сравнивать. Для них это было настолько очевидно, что они даже не могли объяснить, в чём разница, и очень удивлялись, что есть другая точка зрения.

В Интернете мир практически без границ. Но в головах состояние между нами и «чужими»

огромное. Когда возникают националистические конфликты вне Европы, европейские СМИ освещают эти «межэтнические конфликты» и объясняют это тем, что «этнос» так долго ненавидели друг друга, что конфликт в конце концов стал неизбежным. И вот на Балканах убивают друг друга разные «этнос» (хорваты, сербы, мусульмане), потом в Руанде (хуту, тутси), а недавно и в бывшей советской Киргизии (узбеки, киргизы). Вот вам «этнос», «древняя ненависть», «межэтнический вопрос», другими словами, отсутствие цивилизации.

Почему-то когда в Бельгии валлоны и фламандцы из-за спора о языковом статусе одного городка остаются годами без правительства, никто не говорит о «межэтническом конфликте». У них просто политический кризис (намного цивилизованнее звучит). В книге о Руанде, которая вышла в свет несколько лет назад, сенегальский писатель Бубакар Борис Диоп задал вопрос: а как бы они реагировали, если, упоминая холокост, мы бы говорили о «межэтническом конфликте» между немцами и евреями?

Несколько десятков лет назад, когда журналист располагал всего несколькими источниками информации, его задача была относительно простой. Сегодня практически в любой далёкой стране он имеет доступ к десяткам источников информации. В эпоху новых технологий ему придётся возвращаться к старым, традиционным навыкам: проверять не один, не два, а сто раз информацию, определять достоверность источников информации, стараться понять контекст, в котором события приобретают смысл, избегая, насколько это возможно, стереотипности мышления. То есть, используя новые технологии, делать то, что всегда обещал делать, но делал редко. ☞

ЭВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИЙ

2010

2000

1990

1980

1970

1960

1950

1940

1930

1920

1910

«Доброй ночи и удачи»

(2005 год, Великобритания,

РЕЖ.: Джордж Клуни)

Телеведущий Эдвард Мэрроу (Эдвард Стрэтхерн), звезда канала CBS, начинает войну против сенатора и по совместительству яркого антикоммуниста Джозефа Маккарти. Эдвард раскопал историю о лётчике, которого начальство уволило в запас только лишь из-за сестры коммунистки. Передачи Эдварда приковывают к экранам миллионы людей и бьют все телевизионные рейтинги. Это, мягко говоря, беспокоит сенатора, и он пытается законными методами заставить журналиста замолчать, но сделать это будет непросто. Фильм основан на реальных событиях. Телерепортажи вынудили Сенат США провести расследование, в результате которого Маккарти сложил полномочия.

Анна Шеркунова

8 фильмов
о журналистах

«Большая игра»

(2009 год, США, Франция,

Великобритания,

РЕЖ.: Кевин МакДональд)

Журналист газеты Washington Globe Кэл Маккэффри (Рассел Кроу) начинает расследование убийства мелкого вора, которое в дальнейшем приводит его к гибели секретарши конгрессмена Стивена Коллинза (Бен Аффлек). Дело усугубляется ещё и тем, что Коллинз — друг Кэла, а подставлять друзей, как известно, нехорошо. Кэл начинает расследование запутанного дела, и чем больше открывается информации, тем больше журналист рискует своей жизнью. В деле оказываются замешаны самые влиятельные политики США.

«Плутовство» («Хвост виляет собакой»)

(1997 год, США, РЕЖ.: Барри Левинсон)

Президент США накануне выборов имел неосторожность завести интрижку с несовершеннолетней. Сексуальный скандал мог окончиться весьма плачевно, если бы не гений PR-технологий — советник президента Конрад Брин (Роберт Де Ниро) и кинопродюсер Стэнли Мотсс (Дастин Хофманн). Они решают развернуть в прессе кампанию о несуществующей террористической угрозе. США виртуально начинают войну с Албанией. Мотсс снимает душещипательные интервью с солдатами и военными, американский президент произносит пламенную речь о возможной угрозе, в общем, делается всё, чтобы отвлечь народ от щекотливой темы. В итоге афера удаётся, но Мотсс не хочет оставаться в тени и сам вынуждает правительство убрать его как нежелательного свидетеля.

«Фрост против Никсона»

(2008 год, США, РЕЖ.: Рон Ховард)

В 1972 году сотрудники спецслужб США незаконно установили прослушивающие устройства в штабе кандидата от демократической партии Джорджа Макговерна. С этого времени начинается отсчёт знаменитого Уотергейтского дела. Сотрудники, по результатам расследования, были подсланы конкурентом Джорджа на предстоящих выборах и будущим президентом США Ричардом Никсоном. В результате скандала Никсону был объявлен импичмент. Спустя три года после отставки Никсон (Фрэнк Ланджелла) за кругленькую сумму (600 тысяч долларов) согласился дать серию интервью знаменитому телеведущему Дэвиду Фросту (Майкл Шин). По окончании экранной дуэли оба героя остаются при своём мнении. Фрост считает, что Никсон не должен был пытаться замаять дело, Никсон же оправдывает это политической необходимостью.

«Гражданин Кейн»

(1941 год, США, реж.: Орсон Уэллс)

Журналист Томпсон (Уильям Олланд) расследует загадочную гибель медиамагната Чарльза Кейна (Орсон Уэллс). Кейн скончался в своём доме. Однако перед смертью он успел произнести два слова: «Розовый бутон». Томпсон получает задание узнать, что это значит. Он досконально изучает биографию Кейна, знакомится с его родственниками и друзьями. В процессе фильма зритель видит становление Кейна в медиабизнесе. Жёлтые новости и сенсации принесли ему небывалый доход. Кейн был жёстким человеком, который добивался своих целей любыми средствами. Раскрыть загадку личности Кейна журналисту Томпсону удалось, но разгадать значение слов «розовый бутон» он так и не смог.

«Дьявол носит Прада»

(2006 год, США, реж.: Дэвид Фрэнкел)

Андреа Сакс (Энн Хэтзуэй) приезжает из провинции в Нью-Йорк с мечтой о карьере репортёра. Она находит временную работу младшей ассистентки главного редактора в журнале мод «Подийум». Главный редактор издания Миранда Пристли (Мерил Стрип) — дьявол во плоти, выдержать её, а главное, выполнить все безумные поручения, способен не каждый. Андреа справляется с самым сложным — она достаёт рукопись неопубликованной книги о Гарри Поттере. Постепенно Андреа добивается расположения Миранды. Но чем глубже она погружается в мир гламура, тем больше его ненавидит. В итоге Андреа уходит из «Подийума» и проходит собеседование на должность репортёра известной нью-йоркской газеты. После собеседования она узнаёт, что взяли её благодаря рекомендации Миранды Пристли.

«Ничего, кроме правды»

(2008 год, США, реж.: Род Лури)

США обвиняют Венесуэлу в подготовке покушения на американского президента. После этих обвинений Америка наносит авиаудар по Каракасу. Журналистка Рейчел Армстронг (Кейт Бекинсейл) обнаруживает секретный отчёт, в котором ясно сказано, что ЦРУ не имело никаких доказательств того, что покушение действительно было запланировано. Дело вызывает огромный резонанс. Но власть больше всего волнует вопрос, кто же «слил» настолько секретную информацию. Однако журналистка отказывается назвать имя агента. Фильм основан на реальных событиях. В 2005 году американская журналистка The New York Times Джудит Миллер провела три месяца в тюрьме, после того как оказалась рассекретить источник информации.

«Как потерять друзей и заставить всех тебя ненавидеть»

(2008 год, Великобритания, реж.: Роберт Уэйд)

Комедия для любителей английского юмора. Журналист Сидни Янг (Саймон Пегг) меняет место работы и из провинциального английского издания Post Modern Review переходит работать в гламурный американский Sharps. Благодаря своей работе Сидни постигает азы написания заказных статей о звёздах и правильного поведения на светских вечеринках. Но главная его цель — актриса Софи Мейс (Меган Фокс). Чтобы добиться взбалмошной звезды, Сидни готов на всё. Вскоре он становится заместителем главного редактора. Но, как обычно это бывает, долгожданный успех не приносит радости, а голливудская тусовка порядком надоедает.

РЕФОРМАТОР ВСЕЯ РУСИ

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ПЕТРА СТОЛЫПИНА ВОПЛОЩЁННЫМ ОРУДИЕМ ЗЛА В РУКАХ ПРОКЛЯТОГО САМОДЕРЖАВИЯ. «ДУШИТЕЛЬ СВОБОД», СОЗДАТЕЛЬ «СТОЛЫПИНСКИХ ВАГОНОВ», САТРАП И ЦАРЕДВОРЕЦ, КОТОРОГО НАСТИГЛО ЗАСЛУЖЕННОЕ ВОЗМЕЗДИЕ — ПУЛЯ ЭСЕРА. ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ — ГЛУХО И СКОРОГОВОРКОЙ: АГРАРНАЯ РЕФОРМА, НАЧАТАЯ СТОЛЫПИНЫМ, БЫЛА НАПРАВЛЕНА НА «СОЗДАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОПОРЫ ЦАРИЗМА В ДЕРЕВНЕ», ПОВЕСИЛ (НЕ САМ, КОНЕЧНО) ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО НИ В ЧЁМ НЕ ПОВИННЫХ ЛЮДЕЙ В ХОДЕ ПОДАВЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 ГГ. И ТАК ДАЛЕЕ, И ТОМУ ПОДОБНОЕ. И НИ СЛОВА О ТОМ, ЧТО НИКОЛАЙ ВТОРОЙ, УЗНАВ О СМЕРТЕЛЬНОМ РАНЕНИИ СВОЕГО МИНИСТРА, С ОБЛЕГЧЕНИЕМ ПЕРЕКРЕСТИЛСЯ. ПРОТИВОРЕЧИЕ НА ПРОТИВОРЕЧИИ. А ЕСЛИ ПОПРОБОВАТЬ ПОСМОТРЕТЬ НА ЭТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ФИГУРУ БЕСПРИСТРАСТНЫМ ВЗГЛЯДОМ?

Светлана Бестужева-Лада

Э то тем более интересно, что оценка деятельности Столыпина как его современниками, так и историками, неоднозначна и носит полярный характер. Одни выделяют в ней только негативные моменты деятельности Столыпина, другие, напротив, считают его «гениальным политическим деятелем», человеком, который мог бы спасти Россию от грядущих войн, поражений и революций. При этом и те и другие основываются на... одних и тех же документальных источниках и данных статистики.

Начнём с происхождения. Пётр Аркадьевич Столыпин принадлежал к старинному дворянскому роду, корни которого уходят в XVI век. Один из его прадедов был другом и сподвижником знаменитого Михаила Сперанского, реформатора (несостоявшегося) и советника императора Александра Первого, прабабушка Елизавета Алексеевна Столыпина (по мужу Арсеньева) была бабушкой Михаила Лермонтова. Мать — Наталья Михайловна, урождённая княжна Горчакова, родила сына во время поездки к своим родным в Дрезден, 15 апреля 1862 года. Там же, в православной церкви, младенца и окрестили.

Семья Столыпиных владела многочисленными имениями и поместьями в разных российских губерниях. Детство Пётр Аркадьевич провёл в имении недалеко от Ковно. Первые 6 классов окончил в Виленской гимназии. Дальнейшее образование получил в Орловской мужской гимназии, так как в 1879 году семья Столыпиных переехала в Орёл — по месту службы отца, командира армейского корпуса.

Особый интерес у Петра Столыпина вызывало изучение иностранных языков и точных наук. В 1881 году юноша поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, где кроме физики и математики с увлечением изучал химию, геологию, ботанику, зоологию, агрономию. Среди преподавателей был Д. И. Менделеев, который принимал у Столыпина экзамен по химии и поставил «отлично».

В 1884 году, после окончания университета, Пётр поступил на службу в Министерство внутренних дел. Через два года перевёлся в Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства земледелия и государственных имуществ, где занимал скромную должность помощника, но проработал там лишь год и вернулся на прежнюю службу.

В том же году Пётр Аркадьевич женился, причём его женитьба была связана с трагическими обстоятельствами. На дуэли с князем Шаховским погиб старший брат Михаил. Впоследствии сам Столыпин также стрелялся с убийцей брата. Во время дуэли он был ранен в правую руку, которая после этого плохо функционировала, что часто отмечали современники. Михаил был помолвлен с фрейлиной императрицы Марии Фёдоровны Ольгой Борисовной Нейдгардт, являвшейся праправнучкой великого русского полководца Александра Суворова. Существует предание, что на смертном одре брат положил руку Петра на руку своей невесты, и через некоторое время Столыпин сделал ей предложение. Брак оказался очень удачным. У четы Столыпиных родились пять дочерей и один сын.

В 1889 году Пётр Аркадьевич Столыпин был назначен ковенским губернским предводителем дворянства и председателем Ковенского суда мировых посредников. Предметом его особой заботы являлось сельскохозяйственное общество, главными задачами которого были просвещение крестьян и увеличение производительности их хозяйств. Основное внимание уделялось внедрению передовых методов хозяйствования и новых сортов зерновых культур. Во время службы предводителем дворянства Столыпин близко познакомился с местными нуждами, получил административный опыт.

Усердие на службе было отмечено новыми чинами и наградами. В 1890 году он был назначен титулярным советником, в 1891 году произведён в коллежские асессоры, в 1893-м награждён первым орденом Святой Анны, в 1895-м произведён в надворные советники, в 1896-м получил придворное звание камергера, в 1899-м произведён в коллежские, а в 1901 году — и в статские советники.

Блестящая, феерическая карьера, стремительное восхождение. Об этом почему-то забывают почти все, дававшие оценку личности Столыпина.

В середине мая 1902 года П. А. Столыпин вывез свою семью в Германию «на воды». В своих воспоминаниях старшая дочь Мария описывала это время как одно из самых счастливых в жизни семьи Столыпиных. Она отметила также, что прописанные немецкими врачами грязевые ванны для больной правой руки отца стали давать, к радости всей семьи, положительные результаты.

Спустя десять дней семейная идиллия неожиданно завершилась. От министра

внутренних дел В. К. фон Плеве, сменившего убитого террористами Д. С. Сипягина, пришла телеграмма с требованием явиться в Петербург. 30 мая 1902 года П. А. Столыпин, неожиданно для себя, был назначен гродненским губернатором.

21 июня он прибыл в Гродно и приступил к исполнению своих обязанностей. Не слишком, кстати, лёгких, ибо национальный состав губернии оказался очень неоднороден: в больших городах преобладали евреи, аристократия в основном была представлена поляками, а крестьянство — белорусами.

По инициативе Столыпина в Гродно были открыты еврейское двухклассное народное училище, ремесленное училище, а также женское приходское училище особого типа, в котором кроме общих предметов преподавались рисование, черчение и рукоделие. На второй день работы он закрыл Польский клуб, где господствовали «повстанческие настроения». Именно этого ему не могли простить аристократы, а «радевшие за народ» революционеры просто не заметили появления новых учебных заведений «для иностранцев».

Освоившись в должности губернатора, Столыпин начал проводить реформы, которые включали расселение крестьян на хутора, ликвидацию чересполосицы, внедрение искусственных удобрений, улучшенных сельскохозяйственных орудий, многопольных севооборотов, мелиорации, развитие кооперации, а главное — сельскохозяйственное образование крестьян. Последнее окончательно взбесило местных аристократов, и самый влиятельный из них, князь Святополк-Четвертинский, заявил во всеуслышание: «Нам нужна рабочая сила человека, нужен физический труд и способность к нему, а не образование. Образование должно быть доступно обеспеченным классам, но не массе...»

«Реакционер» и «душитель народа» Столыпин дал князю резкую отповедь: «Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не приведёт к анархии...»

Тем не менее работа в Гродно вполне удовлетворяла Столыпина. Однако вскоре фон Плеве предложил ему занять должность губернатора Саратовской губернии, а в ответ на возражения Петра Аркадьевича безапелляционно заявил: «Меня ваши личные и семейные обстоятельства не интересуют, и они не могут быть приняты во внимание. Я считаю вас подходящим для такой трудной губернии и ожидаю от вас каких-либо

деловых соображений, но не взвешивания семейных интересов».

В феврале 1903 года Столыпин с семьёй переехал в Саратов. В Саратовской губернии были его родовые земли, в том числе село Столыпино, при котором уже имелся «опытный хутор» с развитым культурным хозяйством европейского образца.

К моменту назначения Столыпина в Саратове проживало около 150 тысяч жителей, работали 150 фабрик и заводов, было более 100 учебных заведений, 11 библиотек, вышло 9 периодических изданий. Всё это создавало городу славу «столицы Поволжья», и Столыпин старался эту славу упрочить: состоялась торжественная закладка Мариинской женской гимназии, ночлежного дома, строились новые учебные заведения, больницы, началось асфальтирование саратовских улиц, строительство водопровода, устройство газового освещения, модернизация телефонной сети.

Мирные преобразования были прерваны началом Русско-японской войны, которое Столыпин воспринял весьма критично. В кругу семьи он сказал: «Как может мужик идти радостно в бой, защищая какую-то арендованную землю в неведомых ему краях? Грустна и тяжела война, не скрашенная жертвенным порывом».

После поражения в войне с Японией Российскую империю захлестнули революционные события. При наведении порядка Столыпин проявлял редкое мужество и бесстрашие, что отмечают все свидетели того времени. Он, безоружный и без какой-либо охраны, входил в центр бушевавшей толпы. Спокойный и строгий вид губернатора так действовал на народ, что страсти сами собой утихали.

Современник Столыпина В. Б. Лопухин так описывает один из эпизодов революционных событий того времени: «Достаточно известен эпизод, когда Столыпин в относительно скромной роли саратовского губернатора, в ту пору, когда губернаторов расстреливали, как куропаток, врывается в бунтующую толпу. На него наступает человек с явно агрессивными намерениями, с убийством во взгляде. Столыпин бросает ему на руки снятое с плеч форменное пальто и приказывает: «Держи!». Ошеломлённый «убийца» машинально подхватывает губернаторское пальто. Его руки заняты. Он парализован. И уже далёк мыслью от кровавой расправы. Столыпин спокойно держит речь перед загипнотизированной его мужеством толпой. И он, и она мирно расходятся».

В другой раз губернатор не побоялся поехать к вокзалу, где невежественная толпа под предводительством черносотенцев хотела растерзать земских врачей. Из толпы бросали камни, и один из них серьёзно повредил Столыпину руку.

Саратовская губерния, в которой находился один из центров Российского революционного подполья, оказалась в центре революционных событий, и молодому губернатору пришлось противостоять двум стихиям: революционной, оппозиционной к правительству, и «правой», «реакционной» части общества, стоящей на монархических и православных позициях.

Уже в то время на Столыпина было совершено несколько покушений: в него стреляли, бросали бомбы, террористы в анонимном письме угрожали отравить младшего ребёнка Столыпина — трёхлетнего Аркадия.

Широко известна фраза Столыпина по поводу террористических действий революционеров: «Не запугаете!».

Бывший министр иностранных дел Л. П. Извольский вспоминал: «Любопытно отметить, что, встречая опасность с удивительным мужеством и даже временами бравируя ею, он всегда имел предчувствие, что умрёт насильственной смертью. Он мне говорил об этом несколько раз с поразительным спокойствием».

Увы, предчувствия его не обманули. Но до этого трагического финала произошло ещё очень и очень многое.

Для борьбы с восставшими крестьянами применялся богатый арсенал средств — от ведения переговоров до применения войск. После «резни в Малиновке», во время которой погибло 42 человека, в Саратов направили генерал-адъютанта В. В. Сахарова, который остановился в доме Столыпина. Пришедшая под видом посетительницы эсерка застрелила его, хотя генерал не имел никакого отношения к случаю в Малиновке. По-видимому, террористка спутала его с самим Столыпиным.

За подавление крестьянского движения в Саратовской губернии Пётр Аркадьевич Столыпин — камергер двора его императорского величества и самый молодой губернатор России — получил благодарность императора Николая II. А также постоянную угрозу жизни его и его семьи, ненависть реакционеров-черносотенцев и крупных помещиков-аристократов и такую же ненависть бунтовавших крестьян и рабочих.

Не слишком ли большая плата за августейшую благодарность? А монаршьи милости

продолжали сыпаться как из рога изобилия. 26 апреля 1906 года Столыпин был назначен министром внутренних дел в кабинете И. Л. Горемыкина. Переживший революцию и четыре покушения, он пытался отказаться от этой чести. Его дочь в своих мемуарах вспоминает:

«Отец попытался отказаться от нового назначения. На это государь ответил: «Пётр Аркадьевич, я вас очень прошу принять этот пост». — «Ваше величество, не могу, это было бы против моей совести». — «Тогда я вам это приказываю». Моему отцу ничего не оставалось, как преклониться перед выраженной в такой форме волей своего государя, и он вернулся в Саратов лишь на очень короткое время, чтобы сдать дела губернии».

Примечательно, что двое из его предшественников на этом посту — Сипягин и Плеве — были убиты террористами. О страхе и нежелании многих чиновников занимать ответственные посты, боясь покушений, неоднократно в своих мемуарах упоминал первый премьер-министр Российской империи Витте. Знал об этом и император, но всё же приказал Столыпину занять опасный пост.

8 июля 1906 года после роспуска I Государственной думы Столыпин стал главой Совета министров России (его кабинет получил прозвище «кабинет разгона Думы»), сохранив пост министра внутренних дел. Заявив о своей цели «произвести ряд либеральных преобразований», он убеждал, что рассматривает репрессии как временную меру, необходимую для водворения в России спокойствия. Вёл переговоры с либералами — князьями Г. Е. Львовым, Д. Н. Шиповым, Е. Трубецким, графом Гейденом и другими умеренно-либеральными общественными деятелями, стараясь привлечь их в свой кабинет, но согласия не получил. И неудивительно: сотрудничать с такой фигурой, как Пётр Аркадьевич, означало неизбежно оказаться в его тени, а этого аристократам-либералам совершенно не хотелось.

Зато оживились противники «слева» — их заклятый враг оказался в столице, в пределах досягаемости. 12 августа 1906 года на даче Столыпина на Аптекарском острове в Петербурге были взорваны бомбы. В тот момент на даче помимо семьи главы правительства находились и те, кто пришёл к нему на приём. В результате взрыва 23 человека были убиты, 35 ранены, в числе раненых оказались и дети Столыпина — трёхлетний сын Аркадий и шестнадцатилетняя дочь Наталья (у Натальи были изуродованы

ноги, и она навсегда осталась инвалидом), сам Столыпин не пострадал. Как вскоре выяснилось, покушение было совершено группой эсеров-максималистов, выделившихся из партии социалистов-революционеров, сама эта партия ответственности на себя за покушение не взяла. По предложению государя, семейство Столыпина перебиралось в более безопасное место — в Зимний дворец.

За попытки покушения на себя Столыпин никого не наказывал, но гибель ни в чём не повинных людей и увечья близких привели его в ярость. Тогда-то он и произнёс в Думе известные слова: «Сначала успокоение, а потом реформы!». А 19 августа подписал указ о «скорострельных» военно-полевых судах: тройка офицеров в течение 48 часов выносила приговор, который без обжалования приводился в исполнение в 24 часа. Так и не утверждённый Думой, указ через 8 месяцев потерял силу. Но за время его действия было приговорено к смерти 1102 человека, казнено через повешение (виселицы получили наименование «столыпинских галстуков») 683 человека. Одновременно действовало постановление о помощи армии гражданским властям в случае массовых беспорядков.

Вот этот указ и вменяли в вину Столыпину все «прогрессивные люди России» при его жизни, а потом, после его гибели, «эстафету» радостно подхватили большевики. «Палач», «душитель»...

Оправдать приказ вешать людей после экспресс-суда довольно сложно. Но давайте посмотрим на цифры, ибо именно в тот момент терроризм в России достиг своего пика. За три года было совершено 26268 покушений, 6091 убийство должностных и частных лиц, свыше 6000 ранено. Было убито 768 и ранено 820 представителей власти.

В своей речи от 13 марта 1907 года перед депутатами II Думы премьер так обосновывал необходимость действия этого закона:

«Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества».

«Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка, — говорил Пётр Столыпин. — Где аргумент — бомба,

там естественный ответ — беспощадность кары». За гибель почти 7000 человек было повешено в десять раз меньше «борцов за свободу». Но про 7000 загубленных жизней не вспоминает никто, а повешение 683 человек объявлено чуть ли не преступлением века. Где логика, господа? Премьер-министр решил просто обуздать революционный хаос, и это ему в какой-то степени удалось.

Правда, некоторые источники называют другие цифры: 1906 год — 574 человека, 1907 год — 1139 человек, 1908 год — 1340 человек, 1909 год — 717 человек, 1910 год — 129 человек, 1911 год — 73 человека. Всё равно — 4000 против 7000. Естественно, жёсткость не принесла Столыпину популярности, но, судя по статистике, он погиб, фактически сломив терроризм. Пора, наконец, называть вещи своими именами и признать, что «стольпинские галстуки» пока остались единственным действенным методом в борьбе с этим злом. Правда, бездейственным методом, во всяком случае, в современной России.

И всё-таки отнюдь не это было главным в деятельности Столыпина. Он действительно нашёл ответ на вопрос «почему на Руси жить плохо?». По мнению Столыпина, всё дело было в отсутствии среднего класса среди крестьян. Почти той же идеей был одержим Ленин, вот только он предлагал отобрать у одних и отдать другим (как очаровательно выразился Булгаков: «Всё отнять и поделить»).

Столыпин не собирался ни у кого ничего отбирать. Он всего лишь хотел обеспечить крестьян имуществом и определёнными знаниями, которые помогли бы им стать если не богатыми, то, по крайней мере, не бедными. Считал, что великая Россия — это государство, состоящее из миллионов сильных личностей, а вот сильная община миллионов мешает России стать действительно великой. И вот эту-то общину Столыпин вознамерился разрушить.

Возглавив кабинет министров, он провозгласил курс социально-политических реформ. Началось проведение аграрной (стольпинской) реформы, под руководством Столыпина был разработан ряд крупных законопроектов, в том числе по реформе местного самоуправления, введению всеобщего начального образования, государственному страхованию рабочих, о веротерпимости...

За короткое время Пётр Аркадьевич Столыпин был отмечен целым рядом наград. Помимо нескольких Высочайших рескриптов

с выражением признательности, в 1906-м он был пожалован в гофмейстеры, 1 января 1907 года назначен членом Государственного совета, в 1908-м — статс-секретарём.

Талантливый политик, экономист, юрист, администратор, оратор, Столыпин почти отказался от личной жизни, отдавая все свои силы Российскому государству: председательство в Совете министров, созывавшемся не менее двух раз в неделю, непосредственное участие в совещаниях по текущим делам и по вопросам законодательства (заседания часто затягивались до утра), доклады, приёмы, тщательный просмотр русских и иностранных газет, изучение новейших книг, особенно посвящённых вопросам государственного права... Ни до, ни после него ни один государственный деятель России не работал столь интенсивно и, главное, плодотворно.

Как известно, пророков в своём отечестве нет. Несмотря на награды, Николай Второй всё прохладнее относился к им же избранному премьер-министру, а коллеги почти откровенно ненавидели, хотя ничего, кроме пышных речей, противопоставить были не в состоянии. Иное дело — взгляд со стороны.

В июне 1909 года П. А. Столыпин присутствовал на встрече Николая II с императором Германии Вильгельмом II. Встреча проходила в финляндских шхерах. На яхте «Штандарт» состоялась беседа между премьером Столыпиным и Вильгельмом II, который впоследствии, по различным свидетельствам, говорил: «Был бы у меня такой министр, на какую высоту мы подняли бы Германию!».

Ведущий французский экономист начала XX столетия Эдмонт Тери писал:

«Если дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между 1900-м и 1912-м, благодаря деятельности Столыпина, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношениях».

Увы! Николай II был крайне слабovolным человеком и столь же упрямым. Он не терпел в своём окружении ни людей с твёрдым характером, ни тех, кто превосходил его умом и широтой кругозора. Он считал, что подобные лица «узурпируют» его власть, «оттирают» самодержца на второй план, «насилюют» его волю. Именно поэтому не пришёлся ко двору С. Ю. Витте, а теперь наступала очередь П. А. Столыпина. Реформы, задуманные им, не грозили устоям самодержавия, но революция была побеждена, и,

как считали Николай II и его советники, побеждена навсегда, а посему никаких реформ не требовалось вообще.

Приблизительно с 1909 года начались мелкие, но систематические придирки и кляузы крайне правых царю на главу правительства. В это же время «святой старец» Г. Распутин, уже несколько лет вертевшийся при дворе, приобрёл значительное влияние на экзальтированную царицу. Скандальные похождения «старца» заставили Столыпина попросить царя выгнать Распутина из столицы. В ответ на это, тяжело вздохнув, Николай II ответил: «Я с вами согласен, Пётр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы».

Узнавшая об этом разговоре Александра Фёдоровна возненавидела Столыпина и постоянно внушала венценосному супругу мысль об отставке «зазнавшегося самодура». В политике и в экономике государыня не разбиралась абсолютно, но считала себя вправе давать советы мужу по любому вопросу. Это ещё полбеды, но беда была в том, что император реагировал на это как типичный подкаблучник — покорно выполнял самые несуразные требования. А когда дело касается не семьи, а государства, да ещё в столь сложный исторический период, подобное поведение чревато самыми опасными последствиями. Что в конечном итоге и произошло.

Но вернёмся к земельной реформе — одной из самых важных и значительных среди столыпинских. Традиционный взгляд представляет дело так, что реформа была плодом 1905 года. Это слишком примитивно и, главное, совершенно не соответствует действительности. Уже к концу XIX века, на фоне пресловутого роста экспорта хлеба из России, в сельском хозяйстве ряда регионов страны нарастали кризисные явления. Их концентрированным выражением стали участвовавшие неурожайные годы и самый настоящий голод 1891 года. Это был своего рода суммарный индекс, который говорил о неэффективности той модели развития народного хозяйства, которая установилась после 1861 года, и о том, что его пореформенная эволюция заводит (и отчасти уже завела) сельское хозяйство в тупик.

Вместе с тем в более широком масштабе это был кризис системы, основанной на господстве правительственного патернализма, на консервации тяглового строя, что выражалось, в числе прочего, в искусственном сохранении и поддержании общинных отношений

в деревне, а также в том, что власть игнорировала (на деле — боялась!) давно назревшую необходимость просвещения (в том числе и агрономического) миллионов крестьян.

Едва ли не главный порок модернизации 60-х — то, что большинство населения страны жило отдельной жизнью (как и до 1861 года) — в смысле бытовом, юридическом, экономическом, культурном — и, естественно, психологически было иным, нежели образованное меньшинство. И объяснялось это сохранением крестьянской общины — института сугубо феодального, тормозящего развитие сельского хозяйства. Во многих случаях община перестала выполнять свою главную социальную функцию — функцию социального страхования крестьян, если так можно выразиться. Она не смогла предотвратить падения жизненного уровня крестьян, голодовок и много другого.

Кризис, который был заложен самим существованием общины, нарастал. Естественно, с каждым поколением площадь наделов, при отсутствии контроля над рождаемостью, уменьшалась. Видный русский экономист Б. Д. Бруцкус язвительно замечал, что русская интеллигенция в своей любви к общине и того простого соображения не понимает, что земля-то не размножается. И на рубеже XIX-XX вв. площадь наделов в ряде районов северно-чернозёмных губерний стала недостаточной для ведения хозяйства старыми архаическими способами, принятыми в общине. А новым крестьян не обучили (кстати, повсюду в Европе этим занималось государство). Совершенно очевидно, что при качественно ином уровне земледелия, а главное, при иных формах землепользования, и на этих наделах можно было вести достойное хозяйство, а значит и жить достойно.

Однако в высших сферах России было очень сложно поднимать вопрос об отмене общины. Дорогого стоит знаменитое якобы простодушное признание Витте в том, каким образом он понял смысл аграрного вопроса в России: «Когда меня назначили министром финансов, я был знаком с крестьянским вопросом крайне поверхностно, как обыкновенный русский так называемый образованный человек. В первые годы я блуждал и имел некоторое влечение к общине по чувству, сродному с чувством славянофилов... К тому же я мало знал коренную Русь, особенно крестьянскую. Родился я на Кавказе, а затем работал на юге и западе. Но, сделавшись механиком сложной машины, именуемой «финансами Российской империи», нужно

было быть дураком, чтобы не понять, что машина без топлива не пойдёт и что, как ни устраивай сию машину, для того чтобы она долго действовала и увеличивала свои функции, необходимо подумать и о запасах топлива, хотя такое и не находилось в моём непосредственном ведении. Топливо это — экономическое состояние России, а так как главная часть населения — это крестьянство, то нужно было вникнуть в эту область. Тут мне помог многими беседами бывший министр финансов Н. Х. Бунге... Он обратил моё внимание на то, что главный тормоз экономического развития крестьянства — это средневековая община, не допускающая совершенствования. Он был ярый противник общины. Но более всего меня просветили ежедневно проходившие перед моими глазами цифры, которыми столь богато Министерство финансов и которые служили предметом моего изучения и анализа. Скоро я себе составил самое определённое понятие о положении вещей, и через несколько лет во мне укоренилось определённое убеждение, что при современном устройстве крестьянского быта машина, от которой ежегодно требуется всё большая и большая работа, не будет в состоянии удовлетворять предъявляемые к ней требования, потому что не будет хватать топлива. Я составил себе также совершенно определённые мнения, в чём заключается беда, как её нужно лечить. Мы все кричим, что Российская империя составляет 1/5 часть земной суши и что мы имеем около 140 миллионов населения. Но что же из того, когда громаднейшая часть поверхности, составляющей часть Российской империи, находится или в совершенно некультурном, диком, или в полукультурном виде. И громаднейшая часть населения с экономической точки зрения представляет не единицы, а пол- и даже четверти единиц».

По масштабам и громадности последствий столыпинская аграрная реформа выходила далеко за рамки сугубо сельскохозяйственной сферы, так или иначе затрагивая важнейшие стороны жизни как минимум 75% населения страны, тем самым воздействуя не только на экономическую составляющую модернизации, но также на психологическую, культурную, социально-юридическую и другие.

Мероприятия в области крестьянского землеустройства и землепользования были начаты премьером с подписания 27 августа 1906 года указа о передаче Крестьянскому банку для продажи крестьянам части казённых земель, а 5 октября 1906 года — указа об окончательной

отмене подушной подати и круговой поруки в общине. Были сняты ограничения свободы передвижения крестьян, избрания ими места жительства, отменён закон, запрещающий семейные разделы, сделана попытка уменьшить произвол земских начальников и уездных властей, расширены права крестьян на земских выборах.

Указами был провозглашён широкий комплекс мер по разрушению коллективного землевладения сельского общества и созданию класса крестьян — полноправных собственников земли. В нём было обозначено, что «каждый домохозяин, владеющий землёй на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли».

Известно выражение Столыпина: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Однако его противники в верхах (правые консерваторы) считали, что левым и так уже сделано много уступок, поэтому речь нужно было вести не о новых реформах, а о сворачивании старых.

Большая часть помещного дворянства опасалась потери привилегий, между тем как идея Столыпина заключалась в том, чтобы решить аграрную проблему, не затрагивая помещичье землевладение, а обогатив одних крестьян за счёт других. Путём разрушения общины премьер рассчитывал создать слой крепких хозяйственников (разорившиеся должны были пополнить рынок городской наёмной рабочей силы), предоставить им экономическое и политическое равноправие через реформу местного управления, создать из них опору монархии.

Премьер искал способы стимулирования труда инициативных крестьян, возлагал надежды на Крестьянский банк как средство оказания им помощи, разрабатывал меры, поощряющие переселение предприимчивых крестьян на новые земли в Сибири. Именно для этого были разработаны особые вагоны, вмещавшие «40 человек и 8 лошадей», оборудованные с соблюдением существовавших тогда санитарных норм и удобства размещения. От обычных они отличались тем, что задняя их часть представляла собой помещение во всю ширину вагона, предназначенное для крестьянского скота и инвентаря. Проезд в них был бесплатным.

Крестьянам, неприхотливым и ко всему привычным людям, провести десяток дней в «столыпинском вагоне» не казалось чем-то ужасным и нестерпимым, как это нередко пытаются представить. С 1906 года по 1916 год в Сибирь

переселилось 3 миллиона человек. Правда, 300 тысяч вернулись затем обратно, но это произошло уже в тяжёлые военные времена, и из-за этих возвращенцев нельзя забывать о 2,5 миллионах устроённых переселенцев. Им предоставляли большие земельные участки и множество льгот, однако сам процесс был плохо отлажен. Стоит отметить, что первые переселенцы дали значительный прирост урожаю пшеницы в России. Сила аграрной реформы Столыпина перед Первой мировой войной вывела страну на первое место среди экспортёров сельскохозяйственной продукции (пшеницы).

Увы, даже эти мероприятия были впоследствии поставлены в вину премьер-министру, который якобы стал создателем страшного «вагонзак». Хотя «стольпинские вагоны» стали использоваться для перевозки заключённых много позже, да к тому же в переделанном до неузнаваемости виде.

Реформы, которые премьер проводил жёстко и целеустремлённо, дали свои плоды: около 9 миллионов крестьян стали собственниками земли. А благодаря предвоенным урожаям был создан такой запас зерна, что им несколько лет кормилась большевистская Россия. Но решительные действия и неподкупная честность премьера породили множество врагов и недоброжелателей. Политический курс, намеченный Столыпиным, вызвал резкую критику в его адрес со стороны как левых, так и правых политических сил.

В марте 1911 года разразился новый и на этот раз более серьёзный для Столыпина кризис. Он решил учредить земство в западных губерниях, введя при выборах национальные курии. Правые поспешили дать бой Столыпину в Государственном совете и, получив негласное разрешение царя, проголосовали против национальных курий, что составляло ядро законопроекта. Итоги голосования явились для Столыпина полной неожиданностью не потому, что он не знал, какова позиция Дурново, Трепова и их сторонников, а потому, что они не могли бы послушаться царя. Голосование означало, что Николай предал своего премьера, и Столыпин не мог этого не понять.

На ближайшей аудиенции у государя Столыпин подал в отставку, заявив, что легитимистские лидеры «ведут страну к гибели, что они говорят: «Не надо законодательствовать, а надо только управлять», т. е. отказаться от какой-либо модернизации политического строя и его приспособления к изменившейся обстановке». Но его просьба об отставке не была

удовлетворена: император считал, что самодержец должен лишать министров их постов только по собственному усмотрению.

Впрочем, собственного усмотрения у него не было. Был жёсткий нажим на него со стороны великих князей и вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, считавшей, что Столыпин всё ещё остаётся единственным человеком, способным привести Россию к светлому будущему.

В воспоминаниях министра финансов В. Н. Коковцева приводятся слова вдовствующей императрицы, свидетельствующие об её глубокой благодарности Столыпину: «Бедный мой сын, как мало у него удачи в людях. Нашёл человек, которого никто не знал здесь, но который оказался и умным, и энергичным, и сумел ввести порядок после того ужаса, который мы пережили всего 6 лет тому назад, и вот этого человека толкают в пропасть, и кто же? Те, которые говорят, что они любят государя и Россию, а на самом деле губят и его, и родину. Это просто ужасно».

Николай не принял отставки Столыпина, который, уверовав в свои силы, выдвинул перед царём ряд жёстких условий. Он соглашался взять отставку назад, если, во-первых, Дума и Государственный совет будут распущены на три дня, и законопроект будет проведён по специальной статье, предусматривавшей право правительства издавать законы во время перерывов занятий законодательных палат.

Надо было хорошо знать своего государя, никогда и никому не прощавшего подобных «силовых приёмов» в обращении с собой. Близкие к Столыпину люди пытались отговорить его от столь жёсткого ультиматума самому царю. На это он отвечал: «Пусть ищут смягчения те, кто дорожит своим положением, а я нахожу и честнее, и достойнее просто отойти совершенно в сторону... Лучше разрубить узел разом, чем мучиться месяцами над работой разматывания клубка интриг и в то же время бороться каждый час и каждый день с окружающей опасностью».

Николай Второй не сказал ни да ни нет, но вечером его вновь атаковала великокняжеская родня, требуя уступить. Император принял условия Столыпина через 5 дней после аудиенции. Дума была распущена на 3 дня, закон проведён, а Трепов и Дурново отправлены в отпуск. Отношения с законодательным органом Российской империи у Столыпина были безнадежно испорчены.

Совершенно незаслуженно оказались забытыми ещё два момента деятельности Столыпина на посту премьер-министра: решение финляндского и еврейского вопросов. Хотя оба этих решения более чем положительно сказались на внутреннем положении государства.

Во время премьерства Столыпина Великое княжество Финляндское являлось особым регионом Российской империи. До 1906 года этот особый статус подтверждался наличием «конституций» — шведских законов, которые действовали в Финляндии до вхождения в состав Российской империи. Великое княжество Финляндское обладало собственным законодательным органом — четырёхсословным сеймом и широкой автономией от центральной власти.

За день до роспуска I Государственной думы и назначения Столыпина премьер-министром Николай II утвердил принятый сеймом новый устав, предусматривавший упразднение устаревшего сословного сейма и введение в Великом княжестве однопалатного парламента, избираемого на основе всеобщего равного избирательного права всеми гражданами старше 24 лет.

Пётр Столыпин за время своего премьерства четыре раза выступал с речами относительно Великого княжества. В них он указывал на неприемлемость некоторых особенностей власти в Финляндии. В частности, подчёркивал, что несогласованность и неподконтрольность многих финских учреждений верховной власти приводит к неприемлемым для единой страны результатам: «...Ввиду этого революционеры, перешедшие границу, находили себе в Финляндии, на территории Русской империи, самое надёжное убежище, гораздо более надёжное, чем в соседних государствах, которые с большой охотой приходят в пределах конвенций и закона на помощь нашей русской полиции».

В 1910 году Николай II утвердил разработанный правительством Столыпина закон «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения», которым значительно урезалась финляндская автономия и усиливалась роль центральной власти в Финляндии. Данная акция, естественно, не принесла премьеру популярности у революционно настроенных кругов русского общества.

Еврейский вопрос в Российской империи времён Столыпина представлял собой проблему государственной важности. Для евреев существовал целый ряд ограничений. В частности,

за пределами так называемой черты оседлости им запрещалось постоянное жительство. Такое неравноправие относительно части населения империи по национальному признаку приводило к тому, что многие ущемлённые в своих правах молодые люди шли в революционные партии.

Среди консервативно настроенного населения и большей части представителей власти господствовали антисемитские настроения. Во время революционных событий 1905-1907 годов они проявились, в частности, в массовых еврейских погромах и появлении черносотенных организаций. Черносотенцы отличались крайним антисемитизмом и выступали за ещё большее ущемление евреев в правах. При этом они пользовались влиянием в обществе, и среди их членов в различное время были видные политические деятели и представители духовенства. Правительство Столыпина в целом находилось в конфронтации с черносотенцами.

Когда Столыпин занял высшие посты в Российской империи, то на одном из заседаний Совета министров он поднял еврейский вопрос и предложил принять законопроект об отмене черты оседлости. Николай II отверг данный законопроект с мотивировкой: «Внутренний голос всё настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя».

В ответ Столыпин, не согласный с решением императора, написал ему о том, что слухи о данном законопроекте уже попали в прессу, и решение императора вызовет кривотолки в обществе: «Теперь для общества и еврейства вопрос будет стоять так: Совет единогласно высказался за отмену некоторых ограничений, но государь пожелал сохранить их... Исходя из начал гражданского равноправия, дарованных манифестом 17 октября, евреи имеют законные права домогаться полного равноправия...»

В связи с этим премьер советовал Николаю отправить законопроект в Думу для дальнейшего обсуждения. Царь, последовав совету Столыпина, передал вопрос на рассмотрение в Государственную думу. Судьба столыпинского законопроекта свидетельствует не в пользу народного представительства: ни II, ни III, ни IV Дума «не нашли времени» его обсудить. Для оппозиционных партий оказалось «полезней» его замолчать, а правые такие послабления изначально не поддерживали.

Что же после этого обвинять евреев в том, что именно они совершили революцию в России? Совершили или нет, но поддержали её (или благоразумно эмигрировали на Запад

до революции), поскольку терять им было нечего. Если со второй половины 1907 года до конца премьерства Столыпина в Российской империи не было еврейских погромов, то после его гибели они вновь начались.

При этом во время правительства Столыпина был издан указ, определявший процентные нормы студентов-евреев в высших и средних учебных заведениях. Он не уменьшал их, а даже несколько увеличивал по сравнению с таким же указом 1889 года. Факты свидетельствуют, что Столыпин антисемитом не был, хотя во многих публикациях ему и приклеивают этот ярлык, не приводя при этом веских доказательств. Просто это хорошо сочеталось с имиджем «душителя свобод», как и в случае с Финляндией.

Летом 1911 года Столыпин работал над проектом создания 8 новых министерств (труда, местного управления, национальностей, социального обеспечения, исповеданий, по эксплуатации природных богатств, здравоохранения, переселения), размышлял об увеличении бюджета за счёт налогов, о понижении земского ценза при выборах и так далее. Делал он это во время едва ли не первого своего отпуска, но и отпуск, и работу пришлось прервать: в Киеве в присутствии императора должен был открыться памятник его деду, Александру II, по случаю недавно исполнившегося юбилея Великой реформы.

Пребывание премьер-министра в Киеве началось с оскорблений — ему явно давали понять, что он здесь лишний и его не ждали. Столыпину не нашлось места в автомобилях, в которых следовали император и его свита. Ему не дали даже казённого экипажа. Председателю Совета министров пришлось искать извозчика. Он ехал следом за царским кортежем, а когда кортеж притормозил, Григорий Распутин оглянулся, увидел Столыпина и завопил: «Смерть за ним, смерть за нем едет! За Петром... за ним!»

«Святой старец» редко ошибался в своих пророчествах, хотя бы потому, что был отлично осведомлён обо всём, что творилось вокруг. Ему было известно, что императрица ненавидит Столыпина и что избавиться от него хотел сам Николай II. Но поскольку премьер упорно не подавал в отставку, а уволить его слабохарактерный государь не решался, то... случилось то, что случилось 14 сентября 1911 года.

Из воспоминаний губернатора Киева: «1 сентября 1911 года (даты приведены по старому стилю — прим. автора) был четвёртый день пребывания в Киеве императора Николая

II. В восьмом часу утра я отправился ко дворцу, чтобы быть при отъезде государя на манёвры. После проводов государя ко мне подошёл начальник Киевского охранного отделения полковник Кулябко и обратился со следующими словами: «Сегодня предстоит тяжёлый день; ночью прибыла в Киев женщина, на которую боевой дружиной возложено произвести террористический акт в Киеве; жертвой намечен, по-видимому, председатель Совета министров, но не исключается и попытка цареубийства... Генерал Трепов заходил к П. А. Столыпину и просил его быть осторожным». Я спросил Кулябко, что он предполагает делать, если обнаружить и арестовать террористку не удастся. На это он ответил, что вблизи государя и министров он будет всё время держать своего агента-осведомителя, знающего террористку в лицо.

К 9 часам (вечером) начался съезд приглашённых в театр. На театральной площади и прилегающих улицах стояли сильные наряды полиции, у наружных дверей — полицейские чиновники, получившие инструкции о тщательной проверке билетов. Ещё утром все подвальные помещения и ходы были тщательно осмотрены. В зале, блиставшей огнями и роскошью убранства, собиралось избранное общество. Я лично руководил рассылкой приглашений и распределением мест в театр. Фамилии всех сидевших в театре мне были лично известны, и только 36 мест партера, начиная с 12 ряда, были отправлены в распоряжение заведовавшего охраной генерала Курлова для чинов охраны, по его письменному требованию.

В 9 часов прибыл государь с дочерьми. К своему креслу, к первому от левого прохода, с правой стороны, прошёл Столыпин и сел в первом ряду. Шла «Сказка о царе Салтане» в новой, чудесной постановке. Мне казалось, что здесь можно быть спокойным, ведь все сидящие в театре известны, а снаружи он хорошо охраняется, и ворваться с улицы никто не может.

При самом начале второго акта, когда государь с семьёй отошёл в глубь аванложи, а П. А. Столыпин встал и, обернувшись спиной к сцене, разговаривал с графом Фредериксом и графом Иосифом Потоцким, я на минуту вышел к подъезду, чтобы сделать какое-то распоряжение. Возвращаясь, я медленно пошёл по левому проходу к своему креслу, смотря на стоявшую передо мной фигуру П. А. Столыпина. Я был на линии 6 или 7 ряда, когда меня опередил высокий человек в штатском фраке. На линии второго ряда он внезапно остановился. В то же

время в его протянутой руке блеснул револьвер, и я услышал два коротких сухих выстрела, следовавших один за другим...

От мгновенной смерти спас крест Св. Владимира, в который попала пуля и, раздробив который, изменила прямое направление в сердце. Этой пулей оказались пробиты грудная клетка, плевра, грудобрюшная преграда и печень. Другую пулей насквозь пронизана кисть левой руки. В театре громко говорили, и выстрел слышали немногие, но когда в зале раздались крики, все взоры устремились на П. А. Столыпина, и на несколько секунд всё замолкло.

П. А. как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны, под грудной клеткой, уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: «Всё кончено». Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчётливо, голосом, слышным всем, кто находился недалеко от него, произнёс: «Счастлив умереть за царя».

Увидя государя, вышедшего в ложу и ставшего впереди, он поднял руки и стал делать знаки, чтобы государь отошёл. Но государь не двигался и продолжал на том же месте стоять, и Пётр Аркадьевич на виду у всех благословил его широким крестом.

Преступник, сделав выстрел, бросился назад, руками расчищая себе путь, но при выходе из партера ему загрохотали проход. Сбежалась не только молодёжь, но и старики, стали бить его шашками, шпагами и кулаками. Из ложи бельэтажа выскочил кто-то и упал около убийцы. Полковник Спиридович, вышедший во время антракта по службе на улицу и прибежавший в театр, предотвратил едва не происшедший самоубийство: он вынул шашку и, объявив, что преступник арестован, заставил всех отойти.

Я всё-таки пошёл за убийцей в помещение, куда его повели. «Каким образом вы прошли в театр?» — спросил я его.

В ответ он вынул из жилетного кармана билет. То было одно из кресел в 18 ряду. Я взял план театра и список и против номера кресла нашёл запись: «Отправлено в распоряжение генерала Курлова для чинов охраны».

На следующий день государь по выходе из дворца объявил, что желает навестить Столыпина, помещённого в одну из лучших киевских больниц. В тот же день по инициативе группы

членов Государственной думы из партии националистов и земских гласных края в 2 часа дня во Владимирском соборе было отслужено торжественное молебствие о выздоровлении Столыпина. Собор был переполнен, собравшиеся истово молились, многие плакали.

Два последующих дня прошли в тревоге, врачи ещё не теряли надежды, но по вопросу о возможности операции и извлечения пули консилиум с участием прибывшего из Петербурга профессора Цейдлера вынес отрицательное решение. 4 сентября вечером здоровье П. А. сразу ухудшилось, силы стали падать, сердце слабо, и около 10 вечера 5 сентября он тихо скончался...

Сейчас же после смерти Столыпина в той же группе земских гласных и членов Государственной думы из партии националистов возникла мысль о постановке ему памятника в Киеве. Было использовано пребывание в Киеве государя императора и заместителя председателя Совета министров Коковцева, и на всероссийский сбор пожертвований уже 7 сентября утром последовало высочайшее соизволение. Пожертвования потекли столь обильно, что в 3 дня в одном Киеве была собрана сумма, которая могла покрыть расходы на памятник. Местом постановки памятника была избрана площадь возле Городской думы, на Крещатике, а исполнение его поручено итальянскому скульптору Ксименесу, бывшему в Киеве. В 1912 году, ровно через год после смерти П. А., памятник был открыт в торжественной обстановке, среди съехавшихся со всех концов России его почитателей. Столыпин был изображён как бы говорящим с думской кафедры, на камне высечены сказанные им слова, ставшие пророческими: «Вам нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия».

Во вскрытом завещании Столыпина, написанном задолго до смерти, в первых строках было наказано: «Я хочу быть погребённым там, где меня убьют». Указание Столыпина было свято исполнено его близкими, и местом вечного его упокоения была избрана Киево-Печерская лавра. После отпевания гроб вынесли и опустили возле церкви, рядом с исторической могилой другого русского патриота Кочубя.

Громкое политическое убийство, совершённое в Киевской опере, окончательно не раскрыто до сих пор, хотя материалов по этому делу немерено, а личность убийцы была установлена в первые же минуты после покушения. Убийцей Петра Аркадьевича Столыпина оказался помощник присяжного поверенного Дмитрий Богров — сын богатого киевского домовладельца.

По материалам следствия, имя преступника — Мордко Гершович Богров, иудейского вероисповедания. Это обстоятельство стало причиной возбуждённых настроений, возникших в Киеве как в среде правых и националистов, так и среди евреев, ожидавших погромов. В ходе следствия выяснилось, что задержанный злоумышленник — тот самый агент киевского охранного отделения, который предупреждал о готовившихся в период киевских торжеств покушениях.

Ещё в студенческие годы Богров был замешан в революционной деятельности, несколько раз был арестован, но быстро получал освобождение. В разгар революционных волнений в Киеве он состоял членом революционного совета студенческих представителей и одновременно вёл агентурную работу. По свидетельству начальника охранного отделения подполковника Кулябко, Богров выдал много политических преступников, предупредил террористические акты и тем самым заслужил доверие. Это стало официальной причиной того, что, в нарушение существующей инструкции, ему был дан билет на парадный спектакль для предупреждения возможного покушения.

История этого чрезвычайно сложного дела до сих пор имеет массу неясностей. Ни одна политическая партия не взяла на себя ответственность за это убийство, хотя большинство исследователей склонялись к тому, что Богров действовал по поручению социалистов-революционеров. Но известны слова самого Столыпина, сказанные незадолго до трагедии: «Меня убьют, и убьют члены охраны».

Не зря же «пророчествовал» Григорий Распутин. И не зря император, посетив могилу своего премьера, несколько раз довольно громко прошептал: «Прости». И не случайно Богров был казнён после скоропалительного суда.

Некоторые историки, правда, полагают, что в смерти влиятельного российского премьера повинны большевики во главе с Лениным, который признавал, что «своей успешной политикой Столыпин выбивает у большевиков почву из-под ног». Правда, это предположение открыто было озвучено почему-то лишь после развала СССР. Хотя сразу после смерти премьера Ленин в статье «Столыпин и революция» откровенно выражает надежды на поворот в русской истории и навешивает на покойного одиозные ярлыки, которыми и руководствовалась впоследствии официальная история.

Ленин писал о Столыпине как об «обервешателе, погромщике, который подготовил себя к министерской деятельности истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту азиатскую практику лоском и фразой», при этом называл его «главой контрреволюции».

Поэтому в «главном» учебнике по истории ВКП (б) о деятельности Столыпина говорится, что его реформы привели к «обезземеливанию крестьян, ограблению общинной земли кулаками, разбойничьим набегам жандармов и полицейских, царских провокаторов и черносотенных громил на рабочий класс».

Вообще, оценки реформ Столыпина сильно разнятся. Либеральные, особенно западные исследователи полагали, что ему на преобразования просто не хватило времени, и за 20 лет Россия постепенно завершила бы аграрную реформу. Советские историки писали о провале реформ (так как цели их не были достигнуты), а в постсоветское время возникла тенденция к безудержному восхвалению деяний премьера.

А ему просто не хватило времени. Он просил 20 лет спокойствия, для того чтобы завершить преобразования. Их, конечно, не оказалось. Странно и то, что работа Столыпина о будущем политическом устройстве России, в которой подробно описывался план будущих преобразований, бесследно исчезла. Первая мировая война, а затем и последовавшая череда революций полностью уничтожили результаты деятельности Столыпина.

Если бы не началась война в 1914 году, то никаких шансов ни у каких революционеров не было бы, и школьники изучали бы реформы Столыпина точно так же, как мы изучаем Великие реформы Александра II. Не зря А. И. Солженицын в книге «Красное колесо» пишет о том, что, если бы Столыпин не был убит в 1911 году, он предотвратил бы мировую войну и, соответственно, проигрыш в ней царской России, а значит и захват власти большевиками, гражданскую войну и миллионы жертв этих трагических событий.

Как-то Столыпин сказал: «Россия сумеет отличить кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей».

Судя по тому, что его имя оказалось в списке самых популярных при опросе «Имя России», убитого и ошельмованного почти столетие назад министра явно начали причислять к лику врачующих, а не убивающих.

История рассудила. ☐

МАЛИНОВЫЙ ЗВОН И КРЕПКИЕ КУЛАЧКИ...

Текст и фото:

Денис Логинов

«**О**н такой красивый, большой и очень послушный, когда его колотишь кулаками!» — так сказал мне маленький очаровательный ангел, который гордо восседал на высокой скамейке перед множеством верёвочек, тросиков и гладких деревянных рычажков. Ангел оказался девочкой 9 лет от роду, как водится, с русыми кудряшками и глазами, в которых отражалась если не вся вселенная, то значительная её часть.

«И ещё, — строго добавил ангел, — карильон, на котором я играю, — это история. И вы это хорошо знаете!»

Да! Я хорошо знаю это место, одно из самых удивительных на свете, где вдруг кончается притяжение Земли, и всё, что в тебе есть, летит вместе со звуками над старинным городом. Исчезает высоченная, сложенная из дикого камня башня собора Святого Ромбольта, растворяясь в чистых звуках, и парит над красной черепицей крыш неземной малиновый звон. И всё оттого, что здесь звенят, гудят и рассыпают бриллиантовые аккорды 49 тщательно настроенных колоколов самого известного в мире мехеленского карильона.

Официально колокольным симфониям, исполненным на самом большом и самом мощном в мире инструменте, 500 лет. Но это только в Европе — Северной Франции, Нидерландах. В действительности в 70-х годах прошлого века при раскопках в китайской провинции Хубэй археологи обнаружили механическую конструкцию из 65 колоколов, оказавшуюся инструментом с музыкальным диапазоном в 5 октав! Дата изготовления — V век до н. э.!

Конструктивно карильон — это музыкальный инструмент, состоящий из набора колоколов (числом не менее 23-х), настроенных по хроматическому ряду в диапазоне от двух до шести октав. Колокола карильона закреплены неподвижно, в них ударяют подвешенные внутри языки. При помощи гибких приводов они соединены с клавиатурой, с которой и осуществляется управление колоколами. Интересно, что настройка карильонов до сих пор происходит по старинке — не по камертону, а по звуку скрипки. Обычно карильоны размещали и размещают на церковных или городских башнях. Искусство игры на карильоне считалось очень

престижным и ответственным и традиционно передавалось от отца к сыну. И сейчас, когда карильонное мастерство уже превратилось в высоко искусство, вступление в должность нового городского карильониста отмечается как большой праздник.

Наиболее полные сведения о том, что такое карильон и как на нём играют, появились в 1510 году. Тогда в городе Ауденаарде (на территории нынешней Бельгии) в городской башне, которая до этого славилась тем, что в тронном зале находился едва ли не первый в мире великолепно сотканный гобелен, торжественно и мелодично зазвучали 9 специально отлитых колоколов, управляемых специальным механизмом.

Понятно, что карильон был очень дорогим инструментом, поэтому трудно было ожидать его широкого распространения. Однако бурное развитие региона Северного моря и больших торговых городов дало финансовую основу для продвижения карильонного дела в XVI веке — первой половине XVII века. Карильоны были построены в Брюгге, Антверпене, Лёвене, Генте. Постепенно увеличивалось количество колоколов, совершенствовались клавиатура и техника исполнения. Обзавелись карильонами бельгийский Мехелен и голландский Амстердам (и не одним!), затем Делфт. Во второй половине XVII века в Голландии особой известностью пользовались карильоны работы

братьев Франца и Петера Хемони. Наиболее совершенным и хорошо настроенным карильоном с удобной клавиатурой и слаженным звучанием 51 колокола считался Большой амстердамский карильон, построенный в 1652 году.

Услышала европейский звон и Россия — благодаря Петру I, который заказал в Голландии двое механических курантов и карильон в 35 колоколов. Но запеть голландский инструмент смог только четверть века спустя. Это произошло в Петербурге на колокольне Петропавловского собора. К сожалению, этот карильон погиб при пожаре в 1756 году. Императрица Елизавета Петровна заказала новый инструмент, состоявший из 38 колоколов. Его изготовили в Голландии, привезли в Россию и установили в 1776 году, но в 1856 году карильон разстроился, и в 1858-м его частично демонтировали: сняли клавиатуру и часть колоколов. Ну, а после революции карильон был практически уничтожен.

Современный колокольный инструмент в какой-то мере можно сравнить с органом: музыкант сидит в специальной кабине за столом с педалями и двойным рядом клавиш в виде рукояток. Карильонист играет, ударяя кулаками по клавиатуре или ногами по педалям. Эффект звучания в значительной степени зависит от точности и размеренной силы удара кулаком по деревянным клавишам. Может быть, поэтому профессия карильониста всегда считалась

Английские
колокольчики

Елена Сагина и Ульяна

мужской, несмотря на интерес к игре на нём со стороны прекрасного пола.

Причём, образно говоря, «с младых кулачков». Маленьких, но, судя по всему, весьма крепких, как у моей похужей на ангела собеседницы — девятилетней девочки Ульяны, с необыкновенной ловкостью управляющейся с громадой колоколов знаменитого мехеленского собора. Я беседовал с ней в мае нынешнего года, когда она принимала участие в детском карильонном фестивале. Колокольные мелодии слышал весь город. И, конечно, многие даже не представляли, что это совсем ещё дети посылали горожанам звонкие приветы с самого неба. В тихом дворике неподалёку от колокольни карильон был особенно слышен. Казалось, что именно сюда падает волшебный водопад божественных звуков. Но и этого было мало организаторам фестиваля. Из Голландии привезли музыкальную редкость — передвижной карильон. 50 колоколов тончайшей настройки, отличных, а затем доведённых лазерными резцами до максимального богатства обертонов! Весёлый музыкант исполнял Баха, Моцарта, Паганини, а потом приглашал всех желающих попробовать поиграть, вернее, постучать по клавишам,

почувствовать, как отзывается на каждое прикосновение трёхтонная колокольная машина. Забывших про всё на свете детей невозможно было оттащить от этого большого и доброго инструмента! А ещё были горевшие золотом английские колокольчики — самый древний музыкальный инструмент. Бесхитростную, но очень приятную музыку на них в стародавние времена исполняли всем семейством. А здесь, на фестивале, — целым классом!

На главной башне заканчивался музыкальный день. И когда стали неохотно затихать потревоженные колокола, маленькая девочка Ульяна, положив усталые кулачки на колени, сказала: «А ещё я очень люблю Лену, ну, она, конечно, не Лена, а Елена Николаевна, но я её очень люблю...»

Елену Николаевну Садину удалось найти в ста метрах от колокольни Святого Ромбольта, в старинном здании, пристроенном к мехеленскому музею колоколов. Сейчас она доцент Королевской школы карильонной музыки, а в недавнем прошлом — выпускница Саратовской консерватории, специалист по колокольным звонам. Была победителем на первом всероссийском конкурсе звонарей в Ярославле в 1992 году, получила свидетельство «Звонарь России» и вскоре, вместе с другими лауреатами конкурса, была приглашена продолжить учёбу в Мехеленский институт карильонного мастерства. Проучившись восемь лет, Лена дополнила своё образование дипломом мастера карильонного искусства Лёвенского университета Бельгии.

«А началось всё с того, — рассказывает Лена, — что на ярославский конкурс приехал из бельгийского города Мехелена музыкант и преподаватель Йо Хаазен. Благодаря виртуозности и отличительной манере исполнения, уже тогда, в 90-е годы прошлого века, это был самый известный в мире карильонист. А ещё он фантастически любил Россию, особенно её старинное колокольное искусство. Для него карильон был не церковным, а светским инструментом. Йо Хаазен исполнял на нём оригинальную музыку барокко, романтическую музыку XIX века и современные ритмы, музыку XX века, даже фольклорные мотивы!

Конечно, страшновато было переезжать в другую страну, начинать учёбу на необычном для нас инструменте. А тут ещё неприятный инцидент. На выпускном вечере Мехеленской школы её выпускница, бельгийка Адель Кольсон, разорвала свой диплом, узнав,

14-15 мая в бельгийском городе МЕХЕЛЕН (Малин) состоялся ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДЕТСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ КАРИЛЬОННОГО ИСКУССТВА, УЧАСТНИКАМИ КОТОРОГО СТАЛИ МАЛЕНЬКИЕ ИСПОЛНИТЕЛИ ИЗ АНГЛИИ, АРМЕНИИ, БЕЛОРУССИИ, БЕЛЬГИИ, КАЗАХСТАНА, ПОРТУГАЛИИ, РОССИИ И ФРАНЦИИ

что ей никогда не разрешат даже претендовать на должность городского карильониста. Почему? Да просто потому, что она женщина!

Но Йо Хаазен был не только талантливым музыкантом, он вдобавок обладал невероятной способностью пробивания любых бюрократических бастионов, и ему удалось восстановить диплом Адель Кольсон, а заодно и справедливость. Для музыкальной России Йо Хаазен, по-моему, стал вторым Петром Великим. Благодаря ему Санкт-Петербург перед своим 300-летним юбилеем вновь обрёл колокольный оркестр. И не один, а даже два!

Мехеленская королевская школа (и прежде всего её директор Йо Хаазена) организовала международный проект «Восстановление петропавловского карильона». Невероятно, но они нашли 350 (!) спонсоров, и 15 сентября 2001 года могучий карильон зазвучал в этой исторической крепости, которая обрела три уровня звона: православную звонницу с 22 колоколами, новый карильон из 51 колокола и 18 колоколов, сохранившихся от прежнего, дореволюционного. А второй карильон размещён на Крестовском острове. Там теперь 23 колокола с электронным управлением, плюс 18 русских колоколов для особого российского «музыкального аромата».

Накануне 60-летия Победы в Великой Отечественной войне тот же Йо Хаазен исполнил на петропавловском колокольном оркестре песню Булата Окуджавы «Десятый наш десантный батальон».

А потом и Петергоф, также к своему трёхсотлетию, получил в подарок музыкальный инструмент из 51 колокола (весит он, к слову сказать, 12 тонн). У меня слёзы были на глазах, когда я узнала, что здесь, в одном из дворцов Петергофа, в 1723 году был устроен хрустальный карильон работы голландского мастера Ягана Ферестера, состоявший из 56 «оркестрантов», механизм которого работал под действием падающей воды... От него остался один-единственный колокольчик, увы...»

Подольше побеседовать с Леной Садиной не получилось. В комнату заглядывали дети, спрашивали, советовались, а за стенкой звучал маленький, «учебный» карильон. Она выходила и показывала, как надо играть, держать голову, руки, как правильно сжимать детские кулачки.

Преподаванием в карильонной школе жизнь Елены Садиной не ограничивается. Она лауреат многих международных конкурсов. Выступает с концертами в Бельгии, Германии,

Из Голландии привезли музыкальную редкость — передвижной карильон. 50 колоколов тончайшей настройки, отлитых, а затем доведённых лазерными резцами до максимального богатства обертонов!

Голландии, Португалии, Франции, США...

Но для Лены самыми главными в жизни остаются маленькие мальчики и девочки, с покрасневшими от ударов детскими кулачками и сияющими от счастья глазами. Лена Садина очень надеется, что благодаря им божественная музыка колоколов не умолкнет никогда. У неё есть мечта организовать международный детский карильонный конкурс. И название Лена уже придумала — Конкурс принцессы Елизаветы, маленькой внучки бельгийского короля Альберта II. Известно, что малышке очень нравится играть в колокольчики.

Утверждают, что в городе Мехелене (по французски — Малине) как раз и родилось выражение «малиновый звон». Говорят, с тех времён на Руси стали так называть красивый, переливающийся колокольный звон. Вполне возможно, что это всего лишь легенда. Но зато какая красивая, сладкая и очень полезная, особенно для души. ☞

НЕЛЁГКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Евгения Гордиенко

Его трудно читать. Трудно понимать. Русский язык, лёгкий и певучий для многих других, писавших на нём, для нашего героя никогда таковым не был. Язык был лишь средством, может быть, не самым простым, но единственно возможным способом выразить всё то, что не могло более быть внутри, о чём писатель не мог молчать. Возможно, пойдя он по стопам отца, стань железнодорожником или мелиоратором (впрочем, он успел поработать и тем и другим), выразить в движении поезда или в наполнении земли водой свои мысли ему было бы проще.

Но Андрей Платонович Платонов выбрал слово.

«Он походил на сельскую местность...»

О Платонове

Детство под «нюющий гудок»

«Я родился в Ямской слободе, при самом Воронеже... Кроме поля, деревни, матери и колокольного звона я любил ещё (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машины, нюющий гудок и потную работу», — так писал о себе Платонов в одной из автобиографий.

О дате рождения спорят (то ли 16, то ли 20 августа), однако год известен точно — 1899-й. Родившись Андреем Климентовым, он по-простому, по деревенской русской привычке сделал имя отца своей фамилией, став Платоновым. Что заставило его сделать это? Неизвестно. Возможно, он хотел стать ближе к своим героям, к простым людям, а возможно, начать свою писательскую карьеру «с чистого листа».

Андрей был старшим из шестерых детей Климентовых. У него было трое братьев и две сестры. Двое из них, Надя и Митя, погибли совсем юными, глупо и страшно, отравившись грибами в пионерском лагере. Там же едва не погибла младшая сестра его жены Валентина, но она задержалась в городе из-за вовремя сделанных меток на белье. И это спасло ей жизнь...

Отношения Андрея с родителями, «сыгравшие» позже в его повестях и романах, были всегда такими, какими и должны быть в крепкой семье — целостными, уважительными, как сказали бы сегодня, добропорядочными. Однако счастья и радости было мало. В «Записных книжках» Платонова о матери сказано: «... ни разу не была в театре, не ездила на поезде...» И если с отсутствием театра ещё можно было примириться, то с отсутствием собственного очага — вряд ли. А Климентовы в основном жили на съёмных квартирах, где их многочисленные дети «спали на полу вповалку, накрывшись общим одеялом».

Когда началась Первая мировая война, Андрей Климентов не попал на фронт лишь по той причине, что уже работал — тяжело

и много — на литейном заводе. А потом наступил 1917 год.

Пролетарский писатель

С приходом советской власти молодой рабочий Андрей Климентов пополнил число конторских служащих на железной дороге, но попутно поступил сначала на физико-математическое, а затем перевёлся на историко-филологическое отделение университета в Воронеже.

Позже он сам говорил, что именно таким и должен быть путь пролетарского писателя — не через гуманитарное образование, а через техническое, через тяжёлый физический труд.

Писать Андрей начал ещё в детстве — первые стихи появились ещё в десятилетнем возрасте. Он даже посылал их в литературные журналы в Петербург, однако публикации тогда не дождался.

Первая публикация, как долго считалось, относилась к лету 1918 года, однако позже был обнаружен рассказ «Серёжка», дебют, опубликованный не позднее 1917 года. Именно с этого времени рабочий и железнодорожник Андрей Климентов стал писателем Андреем Платоновым.

Он позже писал о том периоде, о революционном времени: «Я тогда стоял на распутье — истории и личной жизни: мне сравнялось 19 лет, и столько же было двадцатому веку, я родился ровесником своему столетию, растущему в такт возрасту человека — во мне молодость, острота личной судьбы, а в мире одновременно революция».

Что касается личной жизни, то тут Платонов и правда долгое время колебался между... литературой и женщинами. В ранних его произведениях женский образ столь низок и столь низменен, что поневоле встаёт вопрос, а не был ли писатель женоненавистником? Он отзывался резко обо всех без разбору, не оставлял женщине никакого другого места, кроме как у плиты и при детях. Не видел в женщине ума, не видел ничего, кроме естественного «бабьего» инстинкта...

И тем более удивительным стало известие о женитьбе Платонова. По воспоминаниям современника, «газетчики поразились известию о женитьбе Андрея: ведь он уверял, что останется холостым. Платонов был юношей целомудренным, не терпел цинизма и пошлости, разговоров о бабах, полагал, что вождение возникает от лени и безделия. Кому-то даже присоветовал:

«Когда будет совсем невтерпёж, иди колоть дрова родителям, это отобьёт от жеребятины!»

Семейная жизнь

С Марией Александровной Кашинцевой, родившейся в Петербурге и по этой причине считавшейся очевидной «дочерью буржуазии», он познакомился в Воронеже, через своего приятеля Малюченко, встречавшегося с Машей. И «отбил» её у него...

Маша к тому же происходила из знатного рода Шереметевых, что ещё больше отдаляло её от Андрея. В шутовском стихотворении к ней он писал: «В классовом невежестве смешна, но по классу двоюродная сестра».

Однако, невзирая на всё «классовое неравенство», Мария и Андрей оказались близки по духу, она стала для него той музой «душевного дискомфорта», без которого он не мог творить. Ему постоянно нужно было ревновать её, высказывать обидные подозрения в неверности, говорить глупые, несурзные вещи. А она терпела это и принимала. Приняла даже написанное ей в самом начале семейной жизни стихотворение:

Баю-баю, Машенька,
Тихое сердечко,
Проживёшь ты страшненько
И сгоришь, как свечка...
Поистине, это был во многом странный

брак.

Однако с семьёй Марии Александровны Платонов подружился очень быстро.

По воспоминаниям сестры Маши Валентины, «с папой они сразу нашли общий язык. Он тоже был большой фантазёр, любил возиться с инструментом... Андрей о себе никогда не думал, жил для людей. Никогда не тянулся к высокопоставленным...»

Андрей страшно беспокоился за землю. Он её воспринимал как живую. Очень любил землю. Помню, как он беспокоился, что земля у нас высохнет. Мне кажется, что и мелиорацией он стал заниматься именно из-за этого. И электрификацией тоже. Хотел, чтобы люди скорей стали жить лучше, ведь кругом разруха была. У нашего дома с большими подвалами стояли старинные сараи, и Андрей с папой стали устраивать в одном из них мельницу, потому что мельница была далеко, и люди мучились — негде было молоть муку. Андрей делал все основные колёса и ещё что надо, отец ему помогал. Работали дотемна. И вот в этом сарае, в самом центре Воронежа, они сделали мельницу.

Написали объявление, что даром мелют муку. Думали, наверное, что вот-вот коммунизм придёт, и всё без денег будет. В первый же день бог знает что делалось: понаехала к нам со всех сторон, со всех деревень тьма-тьмушая народу. Но, кажется, всем смололи. А на второй, третий день стали уже выдыхаться, и через несколько дней дело совсем заглохло: видно, порошу не хватило и денег. Прогорели, в общем...»

Однако, несмотря на конфликты с молодой женой, семья Платоновых была счастлива, как бывают счастливы люди, достигшие того, что именно им нужно в отношениях — и не так уж важно, что многим вокруг это кажется странным...

Писательство впрок

А вот на литературном фронте у Андрея Платонова всё было не так гладко. После нескольких опубликованных рассказов (писателем Платонов в это время в полном смысле слова ещё не являлся, так как работал по части электрификации, мелиорации и сельского хозяйства) он пишет повесть «Впрок» («Бедняцкая хроника»), которая попадает в руки Сталину...

Сталин заменил слово «бедняцкая» на «кулацкая» и прямо через всю страницу написал: «мерзавец», или даже «сволочь». Это была сатира на коллективизацию, яркая и человеческая. И именно с этого момента началась трагедия Платонова — дорога в литературу ему была фактически закрыта. Фадеев, главный редактор журнала, где была опубликована повесть, получил выговор — единственный за всё время работы. После чего написал статью «Об одной кулацкой хронике», где «разоблачал» таких авторов, как Платонов... Дело в том, что Фадеев подчёркнул в повести те места, которые необходимо было, как он полагал, выкинуть по политическим причинам. Вёрстку он почему-то не просмотрел, и подчёркнутые им места в типографии набрали жирным шрифтом.

После атаки на «Впрок» Платонов говорил: «Я писал эту повесть для одного человека (для товарища Сталина), а этот человек повесть читал и по существу мне ответил. Всё остальное меня не интересует».

Платон Андреевич Платонов

Андрея Платонова могла не интересовать его собственная судьба, судьба жены, с которой они с годами становились друг для друга всё более

невыносимыми, однако оставаться безразличным к судьбе единственного сына он не мог.

Платон, или Тоша, как называли его в семье, родился в 1922 году, и к 1938 году, когда начались гонения на Платонова, ему исполнилось всего 15. Но именно он стал той болевой точкой, на которую будут давить, чтобы «повлиять» на неугодного отца-писателя. Платон Платонов был арестован.

Восьмого марта Валентина, сестра Марии Платоновой, пригласила Тошу на танцевальный вечер. Она вспоминает: «Я уступила танец своей знакомой Наде, хорошая была такая девушка. Она Тотику очень понравилась. И вот они танцуют, все расступились, смотрят. И вдруг Надя прекратила танцевать, подходит и говорит мне: «Знаешь, я пришла в носочках, а все смотрят на нас, я сбегаю чулки надену». А жила она где-то неподалёку. И вот из-за такой мелочи, как эти носочки, может быть, у Тоши и жизнь бы по-другому сложилась. Дело в том, что эта Надя так понравилась Тотику, что он уже раздумал было идти на дружеский вечер. Он терпеливо её дождался, но её всё не было почему-то, и наконец Тоша сказал: «Ну ладно, Валь, видно, она не придёт, я пойду к своим ребятам». И ушёл».

После этого он пропал. И оказалось, что пропал не один, а ещё семь ребят. Их искали несколько дней. Все они были детьми писателей, которые оказались в немилости. Потом выяснилось, что школьников забрали за политические анекдоты.

Платона сослали по 58-й политической статье — до десяти лет — на Север.

Когда через несколько лет (перед самой войной) он вернулся, никто из семьи не смог узнать его — это был столетний старик...

Война. И снова гонения

Во время войны Платонов и его семья попали в эвакуацию — в Уфу. Именно там у Тоши, уже успевшего жениться, началась скоротечная чахотка. Его не стало в 1943 году. Перед смертью он попросил мать и отца поцеловать его в губы. Возможно, именно с этого начался туберкулёз у самого Андрея Платонова.

Вся семья, разумеется, тяжело пережила смерть Тоши, однако Платонов нашёл в себе силы продолжать работать. Он уехал на фронт корреспондентом «Красной звезды», получил контузию, к тому же обострился туберкулёз.

Это был едва ли не самый плодотворный период его творчества. Он писал жене:

«Русский солдат для меня святыня, и здесь я вижу его непосредственно. Только позже, если буду жив, я опишу его». Но после войны гонения на писателя возобновились. Говорили о «клевете на советскую власть».

Платонов замолчал, ушёл во «внутренние диссиденты», однако работать не переставал до самого последнего дня.

Ему помогли — тихо и безвестно — Шолохов и Фадеев. Шолохов — потому что был влюблён в его прозу и личность, Фадеев — потому что чувствовал свою вину перед ним.

В 1960-е годы писатель стал очень популярен в СССР, но главным образом в «самиздате». Официальное его признание началось с конца 80-х годов. Появившийся

из литературного небытия Платонов сразу стал классиком. Ю. Безелянский пишет: «Платонова читать нелегко, его язык прекрасно-тяжеловесный — это тяжесть благородного металла».

Андрей Платонович Платонов скончался 5 января 1951 года. Его, русского до последней точки, хоронили на Армянском кладбище... У гроба, стоявшего на земле, плакал младший брат Платонова, моряк, прилетевший с Дальнего. Казалось, он не понимал, что делают здесь все эти люди — писатели, журналисты. Вдруг брат действительно был хорошим писателем?

С ним прощались и просили прощения — за то, что не помогли, не поддержали, побоялись и застыдились...

Неодушевлённый враг

Андрей Платонов

Человек, если он проживёт хотя бы лет до двадцати, обязательно бывает много раз близок к смерти или даже переступает порог своей гибели, но возвращается обратно к жизни. Некоторые случаи своей близости к смерти человек помнит, но чаще забывает их или вовсе оставляет незамеченными. Смерть вообще не однажды приходит к человеку, не однажды в нашей жизни она бывает близким спутником нашего существования, но лишь однажды ей удаётся неразлучно овладеть человеком, который столь часто на протяжении своей недолгой жизни — иногда с небрежным мужеством — одолевал её и отдалял от себя в будущее. Смерть победима, — во всяком случае, ей приходится терпеть поражение несколько раз, прежде чем она победит один раз. Смерть победима, потому что живое существо, защищаясь, само становится смертью для той враждебной силы, которая несёт ему гибель. И это высшее мгновение жизни, когда она соединяется со смертью, чтобы преодолеть её, обычно не запоминается, хотя этот миг является чистой, одухотворённой радостью.

Недавно смерть приблизилась ко мне на войне: воздушной волной от разрыва фугасного снаряда я был приподнят в воздух, последнее дыхание подавлено было во мне, и мир замер для меня, как умолкший, удалённый крик. Затем я был брошен обратно на землю и погребён сверху её разрушенным прахом. Но жизнь сохранилась во мне, она ушла из сердца и оставила тёмным моё сознание, однако она укрылась в некоем тайном, может быть, последнем, убежище в моём теле и оттуда робко

и медленно снова распространялась во мне теплом и чувством привычного счастья существования.

Я отогрелся под землёю и начал сознавать своё положение. Солдат оживает быстро, потому что он скуп на жизнь, и при самой малой возможности он уже снова существует. Ему жалко оставлять не только всё высшее и священное, что есть на земле и ради чего он держал оружие, но даже сытную пищу в желудке, которую он поел перед сражением и которая не успела перевариться в нём и пойти на пользу.

Я попробовал отгрестись от земли и выбраться наружу, но изнемогшее тело моё было теперь непослушным, и я остался лежать в слабости и во тьме. Мне казалось, что и внутренности мои были потрясены ударом взрывной волны и держались непрочно — им нужен теперь покой, чтобы они приросли обратно изнутри к телу. Сейчас же мне больно было совершить даже самое малое движение, даже для того, чтобы вздохнуть, нужно было страдать и терпеть боль, точно разбитые острые кости каждый раз впивались в мякоть моего сердца. Воздух для дыхания доходил до меня свободно через скважины в искрошенном прахе земли, однако жить долго в положении погребённого было трудно и нехорошо для живого солдата, поэтому я всё время делал попытки повернуться на живот и выползти на свет. Винтовки со мной не было, её, должно быть, вышиб воздух из моих рук при контузии, — значит, я теперь вовсе незащитный и бесполезный боец. Артиллерия гудела невдалеке от той осыпи праха, в которой я был схоронён, я понимал по звуку, когда били наши пушки и пушки врага, и моя будущая судьба зависела теперь от того, кто займёт эту разрушенную, могильную землю, в которой я лежу почти без сил. Если эту землю займут немцы, то мне уже не придётся выйти отсюда, не придётся более поглядеть на белый свет и на милое русское поле.

Я принорвался, ухватил одной рукой корешок какой-то былинки, повернулся телом на живот и прополз в сухой раскрошенной земле шаг или полтора, а потом опять лёг лицом в прах, оставшись без сил. Полежав немного, я опять приподнялся, чтобы ползти помаленьку дальше на свет. Я громко вздохнул, собирая свои силы, и в это же время услышал близкий вздох другого человека. Я протянул руку в комья и сор земли и нащупал пуговицу и грудь неизвестного человека, так же погребённого в этой земле, что и я, и так же, наверно, обессиленного. Он лежал почти рядом со мною, в полуметре расстояния, и лицо его было обращено ко мне — я это установил

по тёплым лёгким волнам его дыхания, доходившего до меня. Я спросил неизвестного по-русски, кто он такой и в какой части служит. Неизвестный молчал. Тогда я повторил свой вопрос по-немецки, и неизвестный по-немецки ответил мне, что его зовут Рудольф Оскар Вальц, что он унтер-офицер 3 роты автоматчиков из батальона мотопехоты. Затем он спросил меня о том же, кто я такой и почему я здесь. Я ответил ему, что я русский рядовой стрелок и что я шёл в атаку на немцев, пока не упал без памяти.

Рудольф Оскар Вальц умолк, он, видимо, что-то соображал, затем резко пошевелился, опробовал рукою место вокруг себя и снова успокоился.

— Вы свой автомат ищите? — спросил я у немца.

— Да, — ответил Вальц. — Где он?

— Не знаю, здесь темно, — сказал я, — и мы засыпаны землёю.

Пушечный огонь снаружи стал редким и прекратился вовсе, но зато усилилась стрельба из винтовок, автоматов и пулемётов. Мы прислушались к бою, каждый из нас старался понять, чья сила берёт перевес — русская или немецкая, и кто из нас будет спасён, а кто уничтожен. Но бой, судя по выстрелам, стоял на месте и лишь ожесточился и гремел всё более яростно, не приближаясь к своему решению.

Мы находились, наверно, в промежуточном пространстве боя, потому что звуки выстрелов той и другой стороны доходили до нас с одинаковой силой, и вырывающаяся ярость немецких автоматов погасалась точной, напряжённой работой русских пулемётов.

Немец Вальц опять заворочался в земле, он ощупывал вокруг себя руками, отыскивая свой потерянный автомат.

— Для чего вам нужно сейчас оружие? — спросил я у него.

— Для войны с тобою, — сказал мне Вальц. — А где твоя винтовка?

— Фугасом вырвало из рук, — ответил я. — Давай биться врукопашную.

Мы подвинулись один к другому, и я схватил его за плечи, а он меня за горло. Каждый из нас хотел убить или повредить другого, но, надышавшись земляным сором, стеснённые навалившейся на нас почвой, мы быстро обессилели от недостатка воздуха, который был нам нужен для частого дыхания в борьбе, и замерли в слабости. Отдышавшись, я потрогал немца — не отдался ли он от меня, и он тоже тронул меня рукой для проверки.

Бой русских с фашистами продолжался вблизи нас, но мы с Рудольфом Вальцем уже не вникали в него, каждый из нас вслушивался в дыхание другого, опасаясь, что тот тайно уползёт вдаль, в тёмную землю, и тогда трудно будет настигнуть его, чтобы убить.

Я старался как можно скорее отдохнуть, отдышаться и пережить слабость своего тела, разбитого ударом воздушной волны, я хотел затем схватить фашиста, дышащего рядом со мной, и прервать руками его жизнь, превозмочь навсегда это странное существо, родившееся где-то далеко, но пришедшее сюда, чтобы погубить меня.

Наружная стрельба и шорох земли, оседающей вокруг нас, мешали мне слушать дыхание Рудольфа Вальца, и он мог незаметно от меня удалиться. Я понюхал воздух и понял, что от Вальца пахло не так, как от русского солдата, — от его одежды пахло дезинфекцией и какой-то чистой, но неживой химией, шинель же русского солдата пахла обычно хлебом и обжитой овчиной. Но и этот немецкий запах Вальца не мог бы помочь мне всё время чувствовать врага, что он здесь, если б он захотел уйти, потому что, когда лежишь в земле, в ней пахнет ещё многим, что рождается и хранится в ней: и корнями ржи, и тлением отживших трав, и созревшими семенами, зачавшими новые былинки, — поэтому химический мёртвый запах немецкого солдата растворялся в общем густом дыхании живой земли.

Тогда я стал разговаривать с немцем, чтобы слышать его.

— Ты зачем сюда пришёл? — спросил я у Рудольфа Вальца. — Зачем лежишь в нашей земле?

— Теперь это наша земля. Мы, немцы, организуем здесь вечное счастье, довольство, порядок, пищу и тепло для германского народа, — с отчётливой точностью и скоростью ответил Вальц.

— А мы где будем? — спросил я.

Вальц сейчас же ответил мне.

— Русский народ будет убит, — убеждённо сказал он. — А кто останется, того мы прогоним в Сибирь, в снега и в лёд. Кто смиренный будет и признает в Гитлере божьего сына, тот пусть работает на нас всю жизнь и молит себе прощение на могилах немецких солдат, пока не умрёт, а после смерти мы утилизируем его труп в промышленности и простим его, потому что больше его не будет.

Всё это было мне приблизительно известно, в желаниях своих фашисты были отважны, но в бою их тело покрывалось гусиной

кожей, и, умирая, они припадали устами к лужам, утоляя сердце, засыхающее от страха... Это я видел сам не однажды.

— Что ты делал в Германии до войны? — спросил я далее у Вальца.

И он с готовностью сообщил мне:

— Я был конторщиком кирпичного завода «Альфред Крейцман и сын». А теперь я солдат фюрера, теперь я воин, которому вручена судьба всего мира и спасение человечества.

— В чём же будет спасение человечества? — спросил я у своего врага.

Помолчав, он ответил:

— Это знает один фюрер.

— А ты?

— Я не знаю ничего, я не должен знать, я меч в руке фюрера, созидающего новый мир на тысячу лет.

Он говорил гладко и безошибочно, как граммофонная пластинка, но голос его был равнодушен. И он был спокоен, потому что был освобождён от сознания и от усилия собственной мысли.

Я спросил его ещё:

— А ты сам-то уверен, что тогда будет хорошо? А вдруг тебя обманут?

Немец ответил:

— Вся моя вера, вся моя жизнь принадлежит Гитлеру.

— Если ты всё отдал Гитлеру, а сам ничего не думаешь, ничего не знаешь и ничего не чувствуешь, то тебе всё равно — что жить, что не жить, — сказал я Рудольфу Вальцу и достал его рукой, чтобы ещё раз побиться с ним и одолеть его.

Над нами, поверх сыпучей земли, в которой мы лежали, началась пушечная канонада. Обхватив один другого, мы с фашистом ворочались в тесном комковатом грунте, давящем нас. Я желал убить Вальца, но мне негде было размахнуться, и, ослабев от своих усилий, я оставил врага. Он бормотал мне что-то и бил меня кулаком в живот, но я не чувствовал от этого боли.

Пока мы ворочались в борьбе, мы обмяли вокруг себя сырую землю, и у нас получилась небольшая удобная пещера, похожая и на жилище, и на могилу, и я лежал теперь рядом с неприятелем.

Артиллерийская пальба снаружи снова переменялась, теперь опять стреляли лишь автоматы и пулемёты, бой, видимо, стоял на месте без решения, он забурился, как говорили красноармейцы-горняки. Выйти из земли и уползти к своим мне было сейчас невозможно — только ударом будешь подранен или убит.

Но и лежать здесь во время боя бесполезно — для меня совестно и неуместно. Однако под руками у меня был немец. Я взял его за ворот, рванул противника поближе к себе и сказал ему:

— Как же ты посмел воевать с нами?

Кто же вы такие есть, и отчего вы такие?

Немец не испугался моей силы, потому что я был слаб, но понял мою серьёзность и стал дрожать. Я не отпускал его и держал насильно при себе. Он припал ко мне и тихо произнёс:

— Я не знаю...

— Говори — всё равно! Как это ты не знаешь, раз на свете живёшь и нас убивать пришёл! Ишь ты, фокусник! Говори — нас обоих, может, убьёт и завалит здесь, — я хочу знать!

Бой шёл с равномерностью неспешной работы: обе стороны терпеливо стреляли, ошупывая одна другую для сокрушительного удара.

— Я не знаю, — повторил Вальц. — Я боюсь. Я вылезу сейчас. Я пойду к своим, а то меня расстреляют: обер-лейтенант скажет, что я спрятался во время боя.

— Ты никуда не пойдёшь! — предупредил я Вальца. — Ты у меня в плену!

— Немец в плену бывает временно и короткий срок, а у нас все народы будут в плену вечно! — отчётливо сообщил мне Вальц. — Враждебные народы, почитайте и берегите пленных германских воинов! — воскликнул он вдобавок, точно обращался к тысячам людей.

— Говори, — приказал я немцу, — говори, отчего ты такой непохожий на человека, отчего ты нерусский.

— Я нерусский потому, что рождён для власти и господства под руководством Гитлера! — с прежней быстротой и заученным убеждением пробормотал Вальц, но странное безразличие было в его ровном голосе, будто ему самому не в радость его вера в будущую победу и в господство над всем миром.

В подземной тьме я не видел лица Рудольфа Вальца и подумал, что, может быть, его нет, что мне лишь кажется, что Вальц существует — на самом же деле он один из тех ненастоящих, выдуманных людей, в которых мы играли в детстве и которых воодушевляли своей жизнью, понимая, что они в нашей власти и живут лишь нарочно. Поэтому я приложил свою руку к лицу Вальца, желая проверить его существование. Лицо Вальца было тёплое, значит этот человек действительно находился возле меня.

— Это всё Гитлер тебя напугал и научил, — сказал я противнику. — А какой же ты сам по себе?

Я расслышал, как Вальц вздрогнул и вытянул ноги — строго, как в строю.

— Я не сам по себе, я здесь по воле фюрера! — отрапортовал мне Рудольф Вальц.

— А ты бы жил по своей воле, а не фюрера! — сказал я врагу. — И прожил бы ты тогда дома до старости лет, и не лёг бы в могилу в русской земле.

— Нельзя, недопустимо, запрещено, карается законом! — воскликнул немец.

Я не согласился:

— Стало быть, ты что же — ты ветошка, тряпка на ветру, а не человек!

— Не человек, — охотно согласился Вальц. — Человек есть Гитлер, а я нет. Я тот, кем назначит меня быть фюрер!

Бой сразу остановился на поверхности земли, и мы, прислушиваясь к тишине, умолкли. Всё стало тихо, будто бившиеся люди разошлись в разные стороны и оставили место боя пустым навсегда. Я насторожился, потому что мне теперь было страшно. Прежде я постоянно слышал стрельбу своих пулемётов и винтовок и чувствовал себя под землёй спокойно, точно стрельба нашей стороны была для меня успокаивающим гулом знакомых, родных голосов. А сейчас эти голоса вдруг сразу умолкли.

Для меня наступила пора пробираться к своим, но прежде следовало истребить врага, которого я держал своей рукой.

— Говори скорей! — сказал я Рудольфу Вальцу. — Мне некогда тут быть с тобой!

Он понял меня, что я должен его убить, и припал ко мне, прильнув лицом к моей груди. И втихомолку, но мгновенно он положил свои холодные худые руки на моё горло и сжал мне дыхание. Я не привык к такой манере воевать, и мне это не понравилось. Поэтому я ударил немца в подбородок, он отодвинулся от меня и замолк.

— Ты зачем так нахально действуешь! — заявил я врагу. — Ты на войне сейчас, ты должен быть солдатом, а ты хулиганишь. Я сказал тебе, что ты в плену, значит ты не уйдёшь, и не царапайся!

— Я обер-лейтенанта боюсь, — прошептал неприятель. — Пусти меня, пусти меня скорей — я в бой пойду, а то обер-лейтенант не поверит мне, скажет, я прятался, и велит меня убить. Пусти меня, я семейный. Мне одного русского нужно убить.

Я взял врага рукою за ворот и привлёк его к себе обратно.

— А если ты не убьёшь русского?

— Убью, — сказал Вальц. — Мне надо убивать, чтобы самому жить. А если я не буду убивать, то меня самого убьют или посадят в тюрьму, а там тоже умрёшь от голода и печали, или на каторжную работу осудят — там скоро обессилеешь, состаришься и тоже умрёшь.

— Так тебя тремя смертями сзади пугают, чтобы ты одной впереди не боялся, — сказал я.

— Три смерти сзади, четвёртая смерть впереди! — сосчитал немец. — Четвёртой я не хочу, я сам буду убивать, я сам буду жить! — вскричал Вальц.

Он теперь не боялся меня, зная, что я безоружный, как и он.

— Где, где ты будешь жить? — спросил. — Гитлер гонит тебя вперёд страхом трёх смертей, чтобы ты не боялся одной, четвёртой. Долго ли ты проживёшь в промежутке между своими тремя смертями и нашей одной?

Вальц молчал, может быть, задумался. Но я ошибся — он не думал.

— Долго, — сказал Вальц. — Фюрер знает всё, он всё сосчитал — мы вперёд убьём русский народ, и нам четвёртой смерти не будет.

— А если тебе одному она будет? — поставил я вопрос дурному врагу. — Тогда ты как обойдёшься?

— Хайль Гитлер! — воскликнул Вальц. — Он не оставит моё семейство, даст хлеб жене и детям — хоть по сто граммов на один рот.

— И ты за сто граммов на одного едока согласен погибнуть?

— Сто граммов — это тоже можно тихо, экономно жить.

— Дурак ты, идиот и холуй, — сообщил я неприятелю. — Ты и детей своих согласен обречь на голод и смерть ради Гитлера.

— Вполне согласен, — охотно ответил Рудольф Вальц. — Мои дети получают тогда вечную благодарность и славу отечества.

— Ты совсем дурной! Неужели целый мир будет кружиться вокруг одного ефрейтора?

— Да, — сказал Вальц, — он будет кружиться, потому что он будет бояться.

— Тебя, что ли?

— Меня, — уверенно ответил Вальц.

— Не будет он тебя бояться. Ну, отчего ты такой мерзкий!

— Потому что фюрер Гитлер теоретически сказал, что человек есть грешник и сволочь от рождения. А так как фюрер не ошибается, значит я тоже должен быть сволочью.

Немец вдруг обнял меня и попросил, чтобы я умер.

— Всё равно ты будешь убит на войне, — говорил он. — Мы вас победим, и вы жить не будете. А у меня трое детей на родине и слепая мать. Я должен быть храбрым на войне, чтобы их там кормили. Мне нужно убить тебя, тогда обер-лейтенант будет доволен и даст обо мне хорошие сведения. Умри, пожалуйста. Тебе всё равно не надо жить, тебе не полагается. У меня есть перочинный нож, мне его подарили, когда я окончил школу, я его берегу... Только давай скорее — я соскучился в России, я хочу в свой святой фатерлянд, в своё семейство, а ты всё равно никогда домой не вернёшься...

Я помолчал, потом ответил:

— Я не буду помирать за тебя.

— Будешь! — произнёс Вальц. — Фюрер сказал: русским — смерть. Как же ты не будешь!

— Не будет нам смерти! — ответил я врагу и с беспамятством ненависти, возродившей мощь моего сердца, обхватил и сжал тело Рудольфа Вальца в своих руках.

Затем мы в борьбе незаметно миновали сыпучий грунт и вывалились наружу, под свет звёзд. Я видел этот свет, но Вальц глядел на него уже неморгающими глазами — он был мёртв, и я не запомнил, как умертвил его, в какое время тело Рудольфа Вальца стало неодушевлённым. Мы оба лежали, точно свалившись в пропасть с огромной горы, пролетев страшное пространство высоты молча и без сознания.

Маленький комар-полуночник сел на лоб покойника и начал помаленьку сосать его. Мне это доставило удовлетворение, потому что у комара больше души и разума, чем в Рудольфе Вальце — живом или мёртвом, всё равно. Комар живёт своим усилием и своей мыслью, сколь бы ничтожна она ни была. У комара нет Гитлера, и он не позволяет ему быть. Я понимал, что и комар, и червь, и любая былинка — это более одухотворённые, полезные и добрые существа, чем только что существовавший живой Рудольф Вальц. Поэтому пусть эти существа пережуют, иссохнут и раскрошат фашиста — совершат работу одушевления мира своей кроткой жизнью.

Но я, русский советский солдат, был первой и решающей силой, которая остановила движение смерти в мире. Я сам стал смертью для своего неодушевлённого врага и обратил его в труп, чтобы силы живой природы размолотили его тело в прах, чтобы он пропитался в землю, очистился там, осветлился и стал обычной влажной, орошающей корни травы. ☞

Гуашь с кровью

Олег Овчинников

Вспомнилось: раньше я носился по этому коридору, размахивая руками. Потом стал ходить, сцепив пальцы за спиной. Теперь вот складываю руки на животе. Любовь Николаевна шутит, что походка у меня стала как у священника. Я не спорю — ей виднее. Когда-то, по молодости, я собирался уйти в монастырь. Потом попал в Дом и понял, что здесь не хуже. Правда, пару раз шутки ради отпускал бородку клиншком, но дольше чем на месяц меня не хватало. За ней же уход нужен. А когда тут...

— Сергей. Серге-ей! — позвал я, а когда он остановился, взял за худые плечи. — Что ж ты по левой-то, а?

— Да какая разница, Александр Вла... Борисович. Тихий же час!

— Всё равно. Тут ведь малыши, а ты вон какой большой. Налетишь — растопчешь! — я улыбнулся, и худые плечики расслабились. — Давай-ка вот сюда. Вот так. По правой, всегда по правой. Хочешь, провожу тебя?

— Спасибо, — фыркнул он. — Сам справлюсь.

Его привезли к нам шесть дней назад, через две недели после неудачного пиротехнического эксперимента. В четырнадцать легче лёгкого запомнить простые правила общежития, сложнее себя заставить их соблюдать. «Ничего-ничего, привыкнет», — подумал я, глядя вслед Сергею, и приоткрыл дверь в спальню для мальчиков.

Протиснулся бочком. Если открыть до конца — дверь заскрипит так, что всех перебудит. Приходящий по пятницам Матвей говорит, что ничего с этим поделать нельзя, что эта «тварь» питается петельным маслом, и, наконец, что тут не смазывать надо, а менять — вместе с петлями, коробкой, а по-хорошему и весь этаж давно пора перелицовывать, а то живём как в позапрошлом веке. В общем, как говорится, человек ругается, дверь скрипит.

Я оглядел комнату и сказал себе: ага, трое. Мишка и Стёпка у ближней стены, хоть и лежали, накрытые до подбородка, но при этом слишком уж старательно шурились, а Андрюшка — тот открыто сидел на краю кровати и,

склонившись над большой деревянной табуреткой, что-то чертил. Нет, не чертил — рисовал, поправил себя я, когда вышел на середину комнаты, и свет из окна перестал бить в глаза. Вот же кисточка, вот баночки с гуашью. Значит, рисует.

— Почему не спишь? — шёпотом спросил я.

— Не хочется, Александр Борисович, — просто ответил он.

— А что рисуешь? — вплотную подошёл к нему я.

— Погодите! — Андрюшка совсем уж навис над табуреткой, плечом загородив от меня своё творение. — Я почти дорисовал, осталось чуть-чуть.

— Ладно-ладно, подожду, — отвернулся я к окну. — Смотри с кровати не упади. — Минуту спустя спросил: — Всё?

— Почти всё, — пообещал маленький художник. — Пожалуйста, наклонитесь чуть-чуть. Только не подглядывайте! Спасибо... — я ощутил прикосновение тёплых пальцев к моему лицу. — Мне нужны взрослые брови, — пояснил он. — Теперь считайте до трёх — и можете смотреть.

— Раз, два, три, — послушно произнёс я, но открыл глаза чуть раньше, поэтому успел увидеть, как перепачканный в гуаши указательный палец уткнулся в середину листа, а кисточка сделала два уверенных мазка.

Хорошо, что раньше. Эти «раз, два, три» помогли мне собраться с духом. И когда Андрюшка протянул мне листок со словами «ну, как?», я внутренне вздрогнул, но вслух проговорил ровным голосом:

— Молодец!

— Правда? — Андрюшка запрокинул лицо и неуверенно улыбнулся.

— Правда, — я положил ладонь на его затылок, машинально отметив, что пора уже приглашать парикмахера, опять обросли мальчишки. Потом покосился на Мишку со Стёпкой, которые уже пару минут давились беззвучным смехом, и специально для них твёрдо повторил: — Молодец!

— Как у Него?

— Почти, — уклончиво ответил я. — Надо будет ещё потренироваться. Кстати, что... кто это на рисунке?

— Разве не понятно? — удивился Андрюшка. — Это Христос.

— Ну... я же никогда его живьём не видел, — натужно отшутился я.

— Я тоже, — улыбнулся он во всю ширь. — Только во сне.

А вот два мелких пакостника у ближней стены совсем перестали улыбаться. На пунцовых лицах — настороженное недоумение: что мы сделали не так? Вроде все крышечки на баночках поменяли, почему же шутка не удалась?

— Можно, я возьму его себе? — попросил я, избегая смотреть на рисунок. — Хочу поставить под стекло в моём кабинете.

— Конечно, берите, — обрадовался Андрюшка. — Я себе ещё нарисую. Я теперь столько всего нарисую...

— Только не сейчас, — я бросил взгляд на часы. — До подъёма ещё сорок пять минут, так что давай укладывайся.

Проходя мимо коек Мишки и Стёпки, я покачал головой и подумал: «Всё так, обормотики мои, всё так. Просто подобные шутки редко удаются. Когда слепые подшучивают над незрячим, обычно получается не смешно».

Говоря «Он», «о Нём», «у Него», маленький Андрюшка имел в виду своего великого тёзку и почти что однофамильца. Почти что — поскольку у нашего в свидетельстве о рождении значилось «Рублёв-Успенский».

Двойная и какая-то шоссейная фамилия досталась малышу от родителей, которые сначала не знали, как поделить долгожданного сына, а когда, спустя три месяца, стало ясно, что это не задержка в развитии, а полная и окончательная слепота, долго не могли решить, как от него избавиться. В конце концов отдали в приют. Хотя слово «приют» мне не нравится. И слово «центр» не нравится. Я предпочитаю называть это место Домом. Отдали не на реабилитацию (какая в три месяца реабилитация!), а навсегда. Но не о том речь.

С тех пор как кто-то из летних практиканток — кажется, Леночка — рассказала детям об Андрее Рублёве, Андрюшка просто загорелся. Попросил фломастеры и карандаши, чертил кружочки и треугольнички по трафарету, спрашивал, какого цвета солнце, стол, человек. Потом уже я раздобыл эти краски с чёткими оттисками на крышечках: «красная», «зелёная», «синяя»... А на Андрюшкин день рождения привёз из города огромный альбом с репродукциями. Мы иногда листали его перед сном, Андрюшка водил пальцами по страницам, а я рассказывал, что на них изображено.

Во второй раз Андрюшка не загорелся даже, а вспыхнул, когда на прошлой неделе услышал в новостях про церковную школу, где слепых детей учат писать иконы.

— Я тоже научусь! Как Он! — светился от восторга мальчишка. — Ведь Он рисовал иконы!

— Конечно, Андрюша, конечно. Только не рисовал, а писал, — ответил я и умолчал о том, что слепота слепоте рознь. С точки зрения здравоохранения, слепые — все, у кого острота зрения ниже 0,1. Они могут различать цвета, узнавать форму предметов, реагировать на направленный в глаза свет. А тех, у кого полный ноль, я бы всё-таки называл незрячими.

Да и незачем об этом говорить. Всё, что даёт надежду, — хорошо. А вот жить совсем без неё, наверное, невыносимо.

В кабинете я сел за стол, надел очки для чтения и скрепя сердце заставил себя рассмотреть рисунок. В этот раз он не произвёл на меня такого гнетущего впечатления, как поначалу, и всё же что-то с ним было не так. Я пытался понять, что именно, но это мне плохо удавалось. Казалось, рисунок сам отталкивает взгляд. Я то и дело ловил себя на том, что рассматриваю стаканчик с авторучками или основание настольной лампы, но не лист бумаги, лежащий на столе между моими ладонями.

На первый взгляд, в нём не было ничего пугающего. Белый фон и человеческое лицо, выполненное, я бы сказал, на удивление хорошо, учитывая, что художник никогда не видел человеческого лица. Большой овал, на нём — два овала поменьше, почти треугольный нос, прямая линия губ, обрамление волос, не имеющее внятной формы. Скорее, дело в подборе цветов. Волосы, например, светло-зелёные (кстати, ни усов, ни бородки на рисунке не было). Губы — жёлтые. Глаза... Мне пришлось сделать усилие, чтобы сосредоточиться на них. Глаза — ярко-красные, как будто в них отражается пламя, а само лицо — голубое. Только брови почти естественного цвета — серые. Тоже вроде бы ничего страшного, и всё-таки... Всё-таки, когда Андрюшка рисовал треугольные деревья и круглых птиц, мне было как-то спокойнее.

Я убрал рисунок в шкаф, под стекло, как и обещал мальчику. Правда, поставил обратной стороной, потому что краски ещё не до конца подсохли и могли запачкать стекло. Только поэтому.

— Жму три раза, теперь чашка полная. Шаг сюда. Открываю дверцу. Ставлю чашку. Закрываю, чтобы щёлкнула. Большая кнопка — тик, тик, тик. Потому что надо не вскипятить, а только разогреть. Всё, жму. Жму, Александр Борисович?

— Да, Ксюшенька, только...

— Ну, что опять не так? — маленькая

Ксюша хмурит бровки.

— Ты забыла вынуть ложку. Она железная. С ложкой нельзя.

Ксюша вздыхает, я — вместе с нею.

— А ты, Сергей, сделал слишком большой огонь. Поверни ручку, чтобы встала горизонтально. А сковородку пока на другую конфорку поставь. И помешай, а то пригорит.

— Да знаю я!

— Помешай... — повторил я и вышел из кухни.

Мне надо было приготовить деньги, скоро продукты привезут.

Одно из отделений шкафа было переоборудовано под сейф. Здесь я хранил текущую наличность, расходные ордера, счета и данные на наших ребят. Данные время от времени менялись, наличность всё больше утекала, зато счета и квитанции прибывали с пугающей быстротой, так что в целом бумажная кипа росла из месяца в месяц. Список продуктов на две недели и маленький конверт с заранее отсчитанной суммой лежали на самом верху.

Я взял их, закрыл шкаф и уже начал поворачивать ключ в замке, когда увидел на стекле справа от сейфа маленькое пятнышко, которое не заметил сразу, а после его загорела распахнутая дверца. Пятнышко было круглое, тёмно-коричневого цвета. Я потрогал стекло в этом месте, оно оказалось сухим. Пятно находилось с другой стороны, там, где к стеклу был прислонён белый лист бумаги. Ей-богу, я не сразу вспомнил, что это — вчерашний Андрюшкин рисунок (язык не поворачивался назвать его портретом).

— Всё-таки запачкалось, — я вынул листок из-за стекла и потёр пятнышко ногтем. Оно осыпалось мне в ладонь мелкими струпами, почти не оставив следа на бумаге. — Вот так.

Когда же развернул листок рисунком к себе, тут же вздрогнул — совсем как в первый раз. Я-то был уверен, что на обороте отпечатался один из красных глаз нарисованного человека, но с этой стороны пятно располагалось выше, над бровями, точно посередине

лба. На голубом фоне оно казалось фиолетово-чёрным. Более того, оно было ещё влажным, не считая двух засохших потёков по краям, один из которых спускался к переносице. Влажным, несмотря на то что рисунок простоял в кабинете без малого сутки. Но самым неприятным было, конечно, то, что ещё вчера никакого пятна на этом месте не было. И в этом я мог поклясться.

Что ж это такое? Очередная глупая шутка? Каюсь, первым делом я подумал о двух обормотиках, Мишке и Стёпке, но войти в мой кабинет... Я, конечно, никогда его не запираю, только сейф, и всё же — не слишком ли для них? Я осторожно коснулся влажного пятна, растёр каплю на кончике указательного пальца и поднёс к носу. Жидкость не пахла краской.

На столе не оказалось ничего подходящего, чтобы вытереть палец, пришлось воспользоваться платком. Им же я аккуратно промокнул пятно на рисунке. Оно, разумеется, никуда не делось, просто стало сухим и более светлым.

Тут за окном просигналила машина. Я быстро запер сейф, машинально бросив рисунок Андрюшки поверх бумаг, подхватил со стола список и конверт и поспешил к выходу. Водитель, который привозит продукты, очень не любит ждать.

Времени на разгрузку ушло вдвое больше обычного. В этот раз водитель почему-то приехал без напарника, и таскать мешки и коробки в кладовую на втором этаже ему пришлось с моей помощью. Сорванцы, конечно, тоже порывались, и я разрешил нескольким, живущим здесь давно, сделать по одной ходке до машины и обратно. Разумеется, ничего тяжёлого и бьющегося, но кто-то всё-таки рассыпал на лестнице пакет макарон, так что я погнал всех в классную комнату — читать.

Помимо продуктов, в этом заказе было кое-что из посуды и двадцать новых матрасов для детских кроватей. Пока я отнёс коробку с тарелками и чашками на кухню и вернулся, водитель подъехал задом к дверям склада и выгрузил матрасы на кусок брезента у входа. С дверьми вышла непредвиденная заминка, что-то там заклинило в замке. Пока я громыхал ключами, нервный водитель ругался и спрашивал, кто ему заплатит за простой. Я пытался урезонить его, напомнив, что он и так получит за разгрузку обычную плату, хотя следовало бы её уполовинить, но есть такие люди,

которые слышат только себя. В общем, я расплатился и отпустил его, а матрасы прикрыл другим куском брезента. Затем помог Веронике (наша бывшая воспитанница, которая по окончании курса реабилитации решила остаться в Доме поварихой) разложить по местам продукты и наклеить бирки на пакеты с крупой, после чего пошёл в класс. Заглянув туда, увидел, что ребята читают. Вернее, читал Аркаша, а остальные, сдвинув стулья, сидели вокруг него. Когда Аркаша дочитывал до конца страницы, книжку пускали по кругу, чтобы потрогать картинку. Книжек с такими картинками в Доме всего пять. Сегодня это «Конёк-Горбунок». «Ярким пламенем сверкая, вступенулася вся стая, кругом огненным свилась и за тучи понеслась...» — услышал я, улыбнувшись, прикрыл за собой дверь и направился в свой кабинет.

Пока отпирал сейф, в левой руке у меня была накладная на продукты. А когда открыл его, она уже лежала на полу, да и сам я, признаться, с трудом удержался на ногах. Проямлил только: «Что ж это, а? Как это?»

Ведь правда же, страшно и странно. Час назад всё было в порядке. Вот счета, рассортированные по прозрачным пакетикам, вот папочки-скоросшиватели с детскими фамилиями, вот пачка денег, перетянутая резинкой. А вот — всё то же самое, но в потёках красной жидкости. И не где-нибудь, а в сейфе, самом надёжном, казалось бы, месте в самом надёжном, казалось бы, Доме. Н-да, страшно и странно...

Я двумя пальцами извлёк Андрюшкин рисунок из сейфа — пятно на голубом лбу снова было влажным и почти чёрным, — бросил его на стол поверх развёрнутой газеты и начал наводить порядок. Уже не жалея платка, протёр личное дело поступившего недавно Сергея, разгладил целлофан на пачке счетов за свет, смахнул пару капель с металлической дверцы... На самом деле не так и много оказалось этого красного, просто очень уж неожиданно. Всё-таки сейф... надёжное, казалось бы, место...

То есть так до сих пор казалось.

Я бросил платок на стол и медленно вышел из комнаты. Остановился у двери в класс, немного послушал про Жар-птицу и двинулся дальше, в спальню для мальчиков.

Как и следовало ожидать, здесь находились четверо ребят того возраста, в котором сказки уже не интересны. Трое сидели на сту-

лях у раскрытого окна, четвёртый, Сергей, на подоконнике.

На скрип двери обернулись все четверо — довольно нервно, как мне показалось.

— Так, — объявил я с порога, стараясь не повышать тона. — Я никому не хочу угрожать. Тем более не хочу никого обыскивать. Так что давайте договоримся так. Вы просто отдаёте мне ЭТО, и я ухожу.

— Алекса-андр Борисович!.. — протянул Мишка, явно приготовившись врать.

— Еще раз повторяю, — сказал я уже строже. — Вы отдаёте мне ЭТО, я ухожу, и никто из вас не будет наказан. Иначе мне придётся... — тут я засёк краем глаза подозрительное движение и обернулся к окну. — Сергей! Во-первых, слезь с подоконника. Разве я не говорил тебе, что у нас нельзя сидеть на подоконниках? И окна открывать без спроса, кстати, тоже нельзя. Во-вторых, что там у тебя в руке?

— В какой руке, Александр Борисович?

— Спасибо, хоть отчество выучил!

Я отодвинул паренька в сторону и выглянул в окно. На жестяном карнизе по ту сторону оконной рамы доглевал сигаретный окурочок.

— Так. Это откуда? — спросил я, стараясь не выдавать своей растерянности. И как это я сразу не уловил запаха табачного дыма? Мне никто не ответил, и я задал следующий вопрос: — Ещё есть?

Сергей пожал плечами и достал из заднего кармана джинсов початую пачку сигарет.

— Вот. Последняя.

— А спички? Или что там у вас?

Зажигалка?

— Там, в пачке.

— Понятно, — я обвёл взглядом притихших ребят. — Ещё у кого-нибудь есть сигареты или зажигалки? Точно ни у кого? Тогда вот что... — снова повернулся к новенькому: — Сергей, через три недели, если всё пойдёт по плану, ты вернёшься домой. Или, если хочешь, я прямо сейчас позвоню твоему отцу и попрошу забрать тебя уже сегодня. Хочешь? — упрямый затылок едва заметно качнулся из стороны в сторону. — Хорошо. В таком случае, раз ты хочешь остаться здесь, запомни, пожалуйста, несколько простых правил. Первое...

Пять минут спустя я вышел из комнаты, комкая в кармане трофейную пачку сигарет. Хотя, честно говоря, я надеялся обнаружить

у ребят что-то другое. Ключ или, например, отмычку.

— Не отвлекайтесь, пожалуйста, я подожду, — попросил я, отступая на шаг назад.

Любовь Николаевна кивнула и снова склонилась над детским коленом.

— А это йод или зелёнка? — страдальческим голосом спросила Марина.

— Перекись водорода. Она не жжётся, так что прекрати трястись.

— У-у... А-а-а... — на всякий случай приготовилась девочка, но, когда ватка коснулась свежей ссадины, сразу успокоилась. — Представляете, Александр Борисович, кто-то оставил лошадку посередине комнаты. Не ту, которая с колёсиками, а которая качается, с хвостом. А я пошла и... и вот!

Я вздохнул. Наверное, человек со стороны может подумать, что половина нашего бюджета уходит на зелёнку и бинты. На самом деле мы расходует их не так много, не больше, чем группа обычного детского сада, а может, даже меньше. Потому что нашим детям приходится быть осторожными.

Когда Марина ушла, я вытащил из-за спины руку, в которой лежал платок.

— Вот. Посмотрите, пожалуйста, Любовь Николаевна. Что это...

— Что это? — строгим эхом отозвалась она. — Это из носа или... Ну-ка, встаньте лицом к свету.

— Да нет. Это вообще не моё... — попробовал отмахнуться я, но замолчал, когда мне на язык опустилась холодная палочка.

— Так, теперь лёгкие. Молчите. Дышите. Глубже. Теперь спиной. Всё, можете опустить рубашку. Вы в порядке, Александр Борисович. Так что это?

— Я, собственно, у вас хотел спросить.

— Вы так странно спрашиваете... — Любовь Николаевна ещё раз со всех сторон осмотрела платок и пожалала плечами: — Да нет, точно кровь.

— А... чья это кровь?

— В каком смысле? А-а, поняла. Опять где-то стекло разбили? Так вы посмотрите ребят: у кого порез, того и кровь. Кстати, пришлите этого голубчика ко мне, йода на него не пожалею.

— Про стекло не знаю. Лучше скажите... можно вообще понять, человеческая это кровь или... какая-то другая?

— Александр Борисович, я педиатр, — улыбнулась она. — Но знаете что? Да что с вами? Не волнуйтесь так! Помните, я вам про зятя своего рассказывала? Он ведь в Институте крови как раз работает. Хотите, я ему позвоню?

Его пальцы и запястья были в краске, а губы дрожали от подступивших слёз.

— Не получается, Александр Борисович! Ничего не получается!

— Ну, ну... — я положил ладонь на нестриженный затылок, и Андрюшка уткнулся носом мне в живот. — Давай посмотрим, что тут у тебя.

Один за другим я брал со стола испачканные листки и внимательно рассматривал их. То есть, конечно, это были рисунки, но воспринимались они как испачканные листки. Я честно старался выбрать какой-нибудь получше, чтобы обнадёжить мальчика, но пока ничего не находил. Десять, двадцать, пятьдесят неудачных попыток изобразить человеческое лицо. Цвета на сей раз были подобраны верно, как я учил: «Губы красные, волосы коричневые, глаза... пусть будут голубые», не удавались сами черты лица — они были не той формы и то наползали друг на друга, то разбегались по разным углам листа. Собственно, таким и должен быть портрет, написанный ребёнком, который в жизни не видел человеческого... да ничего не видел, если разобраться. Первый рисунок Андрюшки оказался странным исключением. Удивительным исключением. Я поглядел мальчика по голове и уже в сотый, наверное, раз подумал с тревогой: «Что же ты такое нарисовал, сынок?»

Андрюшка запрокинул лицо.

— А тот рисунок, позавчерашний, он у вас?

— Конечно. У меня, на самом видном месте.

— А можно мне его... ну, взять?

— Зачем?

— Не знаю. Но он же почему-то получился, а эти... — не договорил мальчик.

Я вздохнул и посмотрел на часы.

— Давай попозже, хорошо? Вечером.

А то я уже опаздываю.

До электрички и в самом деле оставалось меньше сорока минут. Времени в обрез, учитывая, что нужно ещё взять билет.

— Остаётесь за старшую, Любовь Николаевна, — улыбнулся я, столкнувшись

в коридоре с доктором. — Постараюсь недолго. Если что, попросите Веронику...

— Справимся, — отмахнулась она. —

Не волнуйтесь.

— Вашему зятю что-нибудь передать?

— Да. Передайте, что он... Хотя нет.

Привет передавайте.

Зять Любови Николаевны вышел к проходной в распахнутом белом халате поверх джинсов и свитера.

— Уважаемый! Александр Борисович — вы?

— Да. А вы...

— Стас. Просто Стас.

— Любовь Николаевна передавала вам привет.

— Смешно, — усмехнулся он. — Ладно, пойдёмте, уважаемый, — кивнул охраннику: — Это со мной, — и помчался по коридору, не оглядываясь. Полы халата взметнулись, как крылья. — Тёща сказала, вам нужен анализ крови? Образец с собой? Давайте.

— Да, с собой. Сейчас... — я еле поспеивал за ним. — Вот.

Склянку с широким дном и завинчивающейся крышкой, которую мне выдала Любовь Николаевна, я оставил на ночь под рисунком. К утру натекло примерно полсантиметра красной жидкости.

— Всё, ждите здесь, — Стас резко остановился. Зачем-то посмотрел склянку на просвет, покачал головой и скрылся в кабинете.

Ждать пришлось больше полутора часов. Наконец дверь кабинета распахнулась, и показалась взъерошенная голова Стаса.

— Уважаемый! — позвал он. — Войдите, пожалуйста.

— Но я же без халата...

— Ничего, ничего. Заходите. Садитесь! — он катнул в мою сторону вертящийся стульчик со спинкой, а сам присел на край стола. — Строго между нами, уважаемый. Откуда у вас этот образец?

— Это... — пожал я плечами. — Это... — в самом деле, как тут ответить?

— Понимаю, — Стас театрально вздохнул, потом посмотрел мне в лицо и улыбнулся. — Тогда по существу. Как практикующий гематолог могу авторитетно заявить: то, что вы принесли, уважаемый, не что иное как кровь. Человеческая. Первой группы. Резус-фактор положительный. Иными словами, самая распространённая. Что касается болезней, тут всё

чисто. Лимфу, правда, я бы ещё раз проверил. Девяносто девять процентов, что всё в порядке, и всё-таки есть вероятность лейкоза в ранней стадии. А так, — развёл он руками, — всё в норме. В общем, если б эта кровь была вашей...

— Нет, нет, — торопливо перебил его я, испытывая при этом непонятное облегчение, — это не моя кровь. Спасибо, Стас, вы очень, очень...

— Да погодите вы! — неожиданно обиделся он. — Испортили мне весь эффект. Я как раз собирался сказать «но» и многозначительно поднять указательный палец... Ещё пять минут можете послушать?

— Могу, — отступившая было тревога снова обосновалась под сердцем.

— Так слушайте. Всё это я вам сказал как практикующий гематолог. Но! — Стас поднял указательный палец. — Как выпускник кафедры генетики и цитологии... Только не смейтесь!

— Почему я должен смеяться?

— Не знаю. Обычно в этом месте все хихикают. Так вот, как генетик-цитолог не могу не заметить, что хромосомный набор этих кровяных клеток вышел из моды о-о-о-очень давно.

— А если точнее? — я поймал себя на том, что поправляю очки, забыв, что они лежат у меня во внутреннем кармане. — Что это значит?

— Точнее? — Стас наклонился ко мне, прищурился и заговорил очень тихо и вкрадчиво: — Этой вашей кровушке, уважаемый, тысяча лет в обед. А то и все две. Это если точнее, — потом провёл по лицу ладонью и спросил уже обычным голосом: — Что, жутковато? Мне тоже, если честно, не по себе. И всё-таки, между нами, где вы взяли этот образец?

«Тысяча лет... — думал я, шагая по мокрому тротуару. — Две тысячи лет... Иконы... Кровотечение... Гуашь для рисования по шестьдесят рублей за набор... Куда мне теперь со всем этим? В библиотеку? В церковь? В сумасшедший дом?»

Я остановился. Фиолетовая вывеска на доме через дорогу погасла на пару секунд и загорелась снова. Мне показалось, что это знак.

Я никогда не бывал в подобных заведениях, но кое-что слышал о них. Если слухи не врут, здесь я найду и библиотеку, и церковь, и сумасшедший дом. А если повезёт, то и булочку с изюмом.

Только есть ли у меня на это время? Я и так задержался в Институте дольше, чем планировал.

Вывеска ещё раз погасла и загорелась, и я, приняв решение, твёрдым шагом перешёл улицу.

— Клуб «Встреча» — два раза направо, со двора, — объявила мне девушка на входе вместо приветствия.

— Нет-нет, я к вам. Мне нужно...

— Проходите, — Кажется, она удивилась. Подростки за плюшевой перегородкой провожали меня настороженными взглядами.

— Вот сюда. Что будете пить?

— Да мне не пить. Я хочу...

— Напиток обязателен, — строго заметила девушка.

— Хорошо. Тогда сок. Яблочный есть? А булочки? С изюмом.

— Булочки? — она нахмурилась, глядя в блокнот. — Есть чизкейк. Хотите?

— Наверное, нет, — в городе я часто чувствую себя иностранцем. — А вы научите меня, что тут и как?

— Конечно. Что вы хотите?

— Мне нужно найти...

— Секунду. Вводите запрос.

— Так-к-к... — с грехом пополам я отыскал нужные клавиши.

— Набрали? — она нагнулась над моим плечом и хихикнула: — Голубой Христос? Ладно. Жмите «Поиск», кликайте по ссылкам.

Десять минут спустя я вышел на улицу. Фиолетовые буквы, отразившись в луже на асфальте, разом зажужжали и погасли. Через мгновение — вспыхнули снова. «Интернет-кафе», — прочёл я в последний раз и всё-таки выругался:

— Др-р-рянь!

— Да не ферма это. Ферма дальше.

— Какое дальше?

— Да дальше, я тебе говорю. А это — приют для этих... как их...

— Смотри, смотри, опять польхнуло!

— Ну что, заходим, а то ведь уйдёт сейчас.

— Да ладно, на следующей поедем. Давай досмотрим!

— Ага. Сейчас как раз пожарные должны...

Толпу из десятка мужичков с рюкзаками и удочками, собравшихся для последней в этом сезоне ночной рыбалки, я заметил, едва ступив на платформу, и попытался протиснуться через них.

— Пропустите, пожалуйста.

Двое мужичков, загородивших лестницу, расступились передо мной, только перешепнулись за спиной: «Смотри, этот...» — «Который?» — «Ну...» — «Что ж он тут-то?»

«Что ж я тут-то?» — думал я, сбегая по ступенькам. — «Что ж я тут-то, господи!»

По щеке скатилась капля, и я с надеждой посмотрел на небо, но дождя не предвиделось. Да он и не помог бы уже.

Когда я выбежал на перекрёсток за станцией, мимо меня пронеслась пожарная машина. «Поскорей,

ребята, поскорей!» — подумал я, провожая взглядом беснующуюся мигалку, и потрусил следом.

Обычно путь от станции к Дому я прохожу за восемнадцать минут быстрым шагом. На этот раз уложился, кажется, в семь, но и этих минут хватило, чтобы проклясть себя многократно. За то, что уехал. За то, что оставил детей на Любовь Николаевну и Веронику. За то, что так много времени потерял в институте. А сильнее всего — за это грешное кафе. Зачем только поплёлся туда? Что надеялся найти? Какую правду? Вон она, правда, полыхает на полнеба в вечерних сумерках.

Когда закончились заводские постройки и бетонный забор, Дом стало видно как на ладони. Первый этаж весь был объят пламенем. На втором — пока только левое крыло. Пламя мелькало в окнах классной комнаты и спальни для девочек. Хуже всего, что именно в этом крыле, в конце коридора, располагался запасной выход.

Когда я добрался до выбитых машиной ворот, пожарные только закончили разворачивать шланги. Одновременно с первой струёй из брандспойта над классной комнатой обрушилась крыша. За разбитыми стёклами было видно, как огненный смерч промчался по коридору второго этажа, выбив боковую оконную раму вместе с куском стены. Пламя гудело. Глаза слезились. Взгляд метался от окна к окну, но находил только языки огня. Не было никого за чёрными окнами, и во дворе никого не было. Только пожарные.

Я тронул одного за плечо.

— Кто-нибудь... — начал я и не смог договорить. — Где... кто-нибудь?

Пожарный странно посмотрел на меня и кивнул куда-то себе за спину.

— Александр Борисович! — донеслось с той стороны, потом слова перешли в кашель, и я снова побежал.

Они были здесь, за пожарной машиной, сидели кто на чём. Любовь Николаевна с Ксюшей, Вероника, Марина, Антон... Дети галдели, а я выхватывал взглядом то одного, то другого и едва узнавал. Аркадий, Света, Мишка... А где же?... Ну да, конечно, и Стёпка. Неужели все? Двойняшки Лёня и Маргарита, Димка, второй Димка и Настенька, Коля, Никитушка, Маша и Игорёк. Все!

— Успели! — выдохнул я, проглотив комок в горле. — Слава богу, вы успели выйти!

— Не совсем, — Любовь Николаевна снова закашлялась, и Ксюша погладила её по руке. — Когда Коля прибежал и сказал: «Любовь Николаевна, там что-то горит», по лестнице на первый этаж уже невозможно было спуститься. Потом, пока я всех собрала... Эта вот... — она качнула Ксюшу

на руках... — негодница... Забралась под кровать и надышалась дымом. Разве можно? — девочка шмыгнула перепачканным сажей носиком. — В общем, к тому времени как я её вытащила, пожарная лестница тоже была в огне.

— Как же вы выбрались?

— Нас вывел Андрей.

— Как?! Как Андрей мог вас... — я даже начал заикаться от волнения.

— Александр Борисович, я не знаю, — растерянно посмотрела на меня Любовь Николаевна. — Я педиатр, и... я не знаю. Он прижал к лицу свой рисунок, а потом сказал...

— Какой... Какой рисунок?

— Из вашего кабинета. Вы уехали, а Андрюшка очень просил принести рисунок. Еле нашла его в пакете, среди газет. Так вот, прижал к лицу рисунок и сказал: «Идёмте за мной». И все пошли — на кухню. Там сказал: «Откройте окно», и...

— Это я открыл, — влез в разговор Сергей. — Ничего, что без спроса? — и ойкнул, когда я схватил его за худое плечо и притянул к себе.

Потом отпустил его, сказав тихо: «Молчи!», и вновь обратился к Любви Николаевне:

— Что было дальше?

— Так вот, Андрей попросил открыть окно, и окно открыли. А потом сказал: «Прыгайте», и все прыгнули. Я тоже прыгнула. Никто не разбился. Там оказалось мягко.

— Матрасы! — я почувствовал, как от облегчения подгибаются ноги, и прислонился плечом к гладкому боку пожарной машины.

— Да, внизу были матрасы. Только Лёня прыгнул слишком далеко и ушиб ногу. Но ничего страшного...

— А где... — огляделся я, — где Андрей? Я не вижу его. Андрей!

— Я здесь, — раздалось за моей спиной.

Я обернулся. Он сидел под самым бортом машины на каком-то ящике.

— Я здесь, Александр Борисович, — повторил Андрюшка и запрокинул лицо.

Я сказал: запрокинул лицо? Нет, он поднял на меня глаза. Они были красными, потому что в них отражалось пламя, а само лицо казалось голубым. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы коснуться его щеки. Просто надо было убедиться, что это сажа или, не знаю, может, пепел. ☹

ПАНТЕОН РУССКОЙ СЛАВЫ

■ В преддверии двухсотлетия Отечественной войны 1812 года хочется вспомнить имена героев, которые история либо не донесла до нас, либо донесла в искажённом свете. А уж о героизме русских солдат и офицеров на войнах, бушевавших в Европе с начала XIX века, вообще практически ничего не известно. Только в романе «Война и мир» описано знаменитое сражение под Аустерлицем, но что мы помним из этого описания? Небо над головой раненого Андрея Болконского, вымышленные переживания вымышленного персонажа...

В этом отношении совершенно уникален труд поэта и прозаика Сергея Бехлера, стихи которого воскрешают образы давно ушедших генералов и простых солдат. А комментарии к стихам дают полное представление о невероятном мужестве и благородстве этих людей.

Сергей Бехлер

Я. П. Кульнев, генерал-рыцарь

*«Был век бурный, дивный век.
Громкий, величавый.
Был огромный человек —
Расточитель славы».*

Денис Давыдов

Джордж Доу, «Портрет Я. П. Кульнева», после 1825 г.

*В метельных потёмках застыл
Якобитадт,
И жалобно скрипки звенели,
Когда появился, ужасный на взгляд,
Сам Кульнев в распахнутой двери.
И к Эльзе шагнул. Финны, впавшие в шок,
Покрылись потливой сыпью.
А он, сняв с ноги у неё башмачок,
Налил и шампанского выпил.
И бал продолжался. И Эльза сама
На танец его пригласила.
Бесилась за окнами злая зима,
А в зале весна наступила.
В истории войн лишь единственный раз,
Такого ещё не случалось,
Чтоб в Кульнева шведам стрелять (был приказ!)
Самим королём запрещалось...
Двенадцатый год. Сколько славных имён!*

*«Руби и круши их в хузары!» —
Слыхали войска самого Удино,
Когда налетали гусары.
Оторваны ноги французским ядром.
Кровь льёт на душистые травы.
В солдатской шинели уснул вечным сном
Сын Рыцарской Чести и Славы.*

Примечания:

1. «Чтоб в Кульнева шведам стрелять (был приказ!) Самим королём запрещалось...»

В финской кампании в войне со шведами Кульнев за зиму трижды прошёл по всей территории Финляндии, где одно его имя наводило страх, но слух о рыцарской доброте шёл впереди этого человека, и жители финских городов встречали его как освободителя! Действительно, был приказ шведского короля не стрелять в Кульнева, но не за его доброе отношение к финнам. Вместе с гусарами под командованием Кульнева были донские казаки, не желавшие брать в плен шведских офицеров, которые сразу начинали вопить: «Кульнев, спаси нас!». На этот крик появлялся великан-генерал и спасал их от неминуемой гибели, объявляя своими гостями. За это и издал шведский король приказ, под страхом смерти запрещающий стрелять в Кульнева. Появление гусар Кульнева под стенами Стокгольма заставило короля подписать мирный договор, в результате которого вся Финляндия отошла к России.

2 «В солдатской шинели уснул вечным сном...»

Кульнев не дожил до сорокалетия и погиб в нескольких километрах от своего родного села, прикрывая огнём мортиры с адъютантом (генерал!) отход своих солдат. Перед смертью он снял свои ордена и отдал их ординарцу Нарышкину, чтобы французы не радовались, что убили самого Кульнева, и, завернувшись в солдатскую шинель, лёг умирать — скончался от потери крови. Узнав о его смерти, Наполеон не замедлил радостно сообщить об этом своей жене.

Генералы брата Тучковы

*«Ах, на гравюре полустёртой,
В один великолепный миг,
Я видела, Тучков-четвёртый,
Ваш нежный лик».*

Марина Цветаева

*Тридцатилетних генералов
Судьбы пленительный полёт!
Как рано многих их не стало,
Как рано лучших смерть берёт.*

Джордж Доу. «Портрет Н. А. Тучкова», ок. 1825 г.

Джордж Доу. «Портрет П. А. Тучкова», ок. 1825 г.

*Бой Бородинский был суровым.
Противник с каждой стороны
Достоин славы. Двум Тучковым
Пришлось там лечь в разгар войны.
Ослепнет мать от слёз мгновенно,
Невестка свой подавит стон —
Тучков-четвёртый непременно
Пред смертью вспомнил вещий сон...
Бородино... Октябрь... Смердно
Чадили трупы на кострах,
Где женщина с фигурой ладной
И местный старенький монах
Бродили, наклоняясь снова,
Шепча невятные слова.
Труп мужа не нашла Тучкова,
Героя русского вдова...
На месте том, где от шрапнели
Он пал, подняв в атаку полк,
Встал монастырь, и зазвенели
Колокола. Их звон не смолк.*

Примечания:

1. «Двум Тучковым пришлось там лечь в разгар войны...»

Пять братьев Тучковых дослужились до генеральских чинов. В 1812 году в армии служили четыре брата (второй по старшинству Алексей (1766–1853) — на административной службе).

Тучков-первый Николай Алексеевич (1765–1812) — генерал-лейтенант. Отличился во многих сражениях, смертельно ранен в Бородинском сражении, три часа

Джордж Доу. «Портрет А. А. Тучкова», ок. 1825 г.

спустя после смерти Тучкова-четвертого. В этот момент он уже знал о смерти младшего брата. Скончался спустя три недели.

Тучков-второй Сергей Алексеевич (1767–1839) — генерал-майор. Отличился в битве под Смоленском. Был тяжело ранен и попал в плен французам до Бородинского сражения. Освободился из плена весной 1814 года.

Тучков-третий Павел Алексеевич (1769–1858) — генерал-майор, в Бородинском сражении не участвовал. Тучков-четвёртый Александр Алексеевич (1777–1812) — генерал-майор. Отличился в Бородинском сражении. Убит шрапнелью наповал со знаменем в руках. По словам очевидцев, уже мёртвого, его накрыло попаданием нескольких ядер. Тело не было найдено.

**2. «Тучков-четвёртый непременно
Пред смертью вспомнил вещий сон...»**

Незадолго до нашествия Наполеона жене Тучкова Маргарите приснился сон, будто она находится в незнакомом городе, а на стенах домов написано слово «Бородино». К ней входят отец и брат и говорят: «Муж твой пал со шпагой в руках на полях Бородино». Маргарита испуганно закричала и проснулась. Александр Тучков успокоил жену и приказал принести карту. Не найдя на ней Бородино, оба успокоились, отмахнувшись от дурного наваждения. Кто мог тогда подумать, что неизвестное село Бородино войдёт в историю России!

**3. «Бородино... Октябрь... Смердно
Чадили трупы на кострах...»**

Спустя 50 дней после битвы в октябре, после ухода французских войск, местное население получило приказ правительства закопать и сжечь брошенные трупы русских и французских солдат и офицеров, чтобы избежать эпидемии заболеваний весной. Тучкова Маргарита Михайловна, урождённая Нарышкина, специально приехала и с помощью местного монаха пыталась найти труп мужа, чтобы похоронить его по-человечески, но поиски были безрезультатны.

4. «Встал монастырь...»

Спасо-Бородинский монастырь, основанный женой Тучкова-четвёртого на месте гибели мужа.

Генерал Милорадович

«Французы называли его русским Баярдом, у нас, за удалство, немного щёголеватое, сравнивали с французским Мюратом. И он не уступал в храбрости обоим».

Фёдор Глинка, адъютант генерала, будущий поэт и писатель

Джордж Доу. «Портрет М. А. Милорадовича», ок. 1825 г.

Любимец женщин, баловень Фортуны,
Он смелостью и щёгольством пленял.
В войне со шведами — поручик юный,
С Наполеоном — полный генерал.
И со времён Альпийского похода
Блистательной карьеры славный взлёт —
Так в Лейпцигском «сражении народов»
Он гвардию двух стран в бой поведёт.
Но перед этим — боль Аустерлица,
Тильзитский мир и Бородинский бой.
Костров бивачных отблески на лицах,
Гул канонады и шрапнели вой...
В изгнании угас французский гений,
И в Таганроге умер русский царь.
Над Петербургом — белой ночи тени,
В умах одно: кто новый государь?..
Как губернатор, сам он был виновен,
Что Константину присягнул Сенат
И Николай со всей семьёй. Бескровен
Другой, наверно, был бы вариант...
«Уйдите, граф!» — и в ногу штык
втыкает
Князь Оболенский, но в ответ лишь:
«Прочь!»
Каховский пистолет свой поднимает,
И опустила вечный полог ночь.

Примечания:

1. «Как губернатор, сам он был виновен Что Константину присягнул Сенат И Николай со всей семьёй...»

О том, что прямой наследник престола великий князь Константин отказался от престола за несколько лет до событий на Сенатской площади, знали лишь члены царской семьи и немногие члены Государственной думы.

Как генерал-губернатор Санкт-Петербурга, «имея 60 тысяч штыков в кармане», Милорадович потребовал и добился присяги Константину Павловичу, чем и воспользовались члены Северного общества декабристов.

2. «И в ногу штык втыкает...»

Поручик в отставке князь Оболенский хотел ткнуть штыком лошадь Милорадовича, чтобы не допустить его общения с войсками, выведенными на площадь членами Северного общества декабристов, так как популярность Милорадовича среди солдат и офицеров была общеизвестна. Лошадь испугалась замаха ружья и шарахнулась в сторону, поэтому штык воткнулся в ногу генерал-губернатора.

Это была первая рана (!) за всю военную карьеру генерала Милорадовича. Вторая рана, уже не колотая, а огнестрельная (от выстрела Каховского), была смертельной.

Адмирал П. В. Чичагов

Угас в изгнании Чичагов
С обидой в сердце на страну,
Где в век пленительной отваги
Был полководцем по уму.
Ах, как звезда его сияла
И предвещала быстрый взлёт,
Но «сухопутным адмиралом»
Навек в историю войдёт.
Морским министром, фаворитом
Самодержавца всей Руси
Был мой герой. Но всё забыто,
С кого за то теперь спросить?
Интрига, вызванная мстью,
Лишила Родины и сна.
Синоним ложного бесчестья
Иль подвиг ты, Березина?

Примечания:

1. «Угас в изгнании Чичагов С обидой в сердце на страну...»

Чичагов не смог вынести обвинений в том, что Наполеону удалось избежать пленения при переправе через Березину, и в 1813 году он вышел в отставку

Неизвестный художник, «Портрет П. В. Чичагова», 1824 г.

«по болезни». С 1814 года и до конца своих дней жил за границей. В 1834 году отказался вернуться в Россию, проигнорировав приказ Николая Первого о возвращении в Россию всех высокопоставленных офицеров в отставку, за что был лишён российского подданства и имущества, находящегося на территории России.

2. «Интрига, вызванная мезьтью, Лишила Родины и сна...»

При всех заслугах Кутузова перед Отечеством нельзя не видеть и того, что он был большим мастером интриги и компромата против тех, кого считал своими «обидчиками». А Чичагов зацепил крепко, ибо именно он, сменив в 1812 году Кутузова на посту главнокомандующего Дунайской армии, обвинил его в развале дисциплины в армии и многих других должностных преступлениях, за что Кутузов впал в немилость и лишь под давлением обстоятельств был возвращён в армию после нашествия Наполеона. Поэтому Кутузов ненавидел Чичагова и, обладая умом дипломата, при случае «тактично устранил» соперника. Говоря о Кутузове, Чичагов в одном из своих писем графу С. Р. Воронцову прямо заявлял: «Что касается интриг, коварства и наглости, это был первый генерал в Европе». В конечном итоге Чичагов был фактически подставлен Кутузовым под угрозу уничтожения превосходящим по силе неприятелем. На первый взгляд, чудовищна сама мысль, что Кутузов, имевший

репутацию военачальника, дорожившего жизнями своих солдат, вёл дело к тому, что могло обернуться если не гибелью, то, во всяком случае, тяжёлыми потерями для Дунайской армии. Такой оборот дела мог быть истолкован как результат «неспособности» адмирала Чичагова командовать сухопутными войсками. А поскольку Чичагов был выдвиженцем царя, то, компрометируя адмирала, Кутузов тем самым «наносил удар» и по Александру I. В этом, видимо, и состояла суть задуманной Кутузовым интриги.

В защиту Чичагова выступили участники Отечественной войны 1812 года: Денис Давыдов, генерал-лейтенант М. Р. Воронцов, воевавший под началом адмирала и ставший впоследствии фельдмаршалом, генералы А. П. Ермолов, Е. И. Чаплиц и многие другие. В своём дневнике Денис Давыдов писал: «С трёх сторон спешили к Березине Чичагов, Витгенштейн, Кутузов и отряды Платова, Ермолова, Милорадовича, Розена и др. Армия Чичагова, которую Кутузов полагал силою в 60 тысяч человек, заключала в себе лишь 30 тысяч, из которых около 7 тысяч кавалеристов... Армия Витгенштейна следовала также по направлению к Березине... Она продвигалась медленно и нерешительно...»

Кутузов, избегая встречи с Наполеоном и его гвардией, не только не преследовал настойчиво неприятеля, но, оставаясь почти на месте, находился всё время значительно позади. Это не помешало ему, однако, извещать Чичагова о появлении своём на хвосте неприятельских войск. Предписания его, означенные задними числами, были потому поздно доставляемы адмиралу... Адмиралу, армия которого была вдвое слабее того, чем предполагал князь Кутузов, невозможно было одному, без содействия армии князя и Витгенштейна, преградить путь Наполеону».

Генерал Фёдор Орлов, флигель-адъютант Александра I, писал: «...Если бы к адмиралу Чичагову подошли ожидаемые подкрепления, то ни один француз не переправился бы через реку. В самом деле, с 20 тысячами человек, из которых только 15 тысяч пехоты, не легко было охранять всю переправу через реку, берега которой сплошь покрыты лесами и болотами и заросли омелью, особенно же тогда, когда с тыла этим 20 тысячам угрожали 40 тысяч австрийцев и саксонцев. Наполеону не требовалось ни хитрости, ни искусства, чтобы совершить переправу». Это и произошло 14 ноября (по старому стилю). Генерал А. П. Ермолов со свойственной ему решительностью выступил в защиту адмирала. В своих мемуарах он писал: «Адмирал Чичагов при первом разговоре со мною выказался превосходного ума, и я чувствую с негодованием, насколько бессильно оправдание моё возлагаемых на него обвинений. Он не столько виноват, как многие представлять его желают... Легко я мог заметить,

до какой степени простиралось неблагорасположение Кутузова к адмиралу. Не нравилось ему, что я посмел оправдывать его. Он приказал мне представить после записку о действиях при Березине, но чтобы никто не знал об этом».

О том, что было дальше, рассказывал Денис Давыдов: «Ермолов, очевидец березинских событий, представил светлейшему (Кутузову) записку, в которой им были резко изложены истинные, по его мнению, причины благополучного отступления Наполеона. Он поднёс её во время приезда в Вильно князя, сказавшего ему при этом случае: «голубчик, подай мне её, когда у меня никого не будет». Эта записка, переданная князю вскоре после того и значительно оправдывавшая Чичагова, была, вероятно, умышленно затеряна светлейшим».

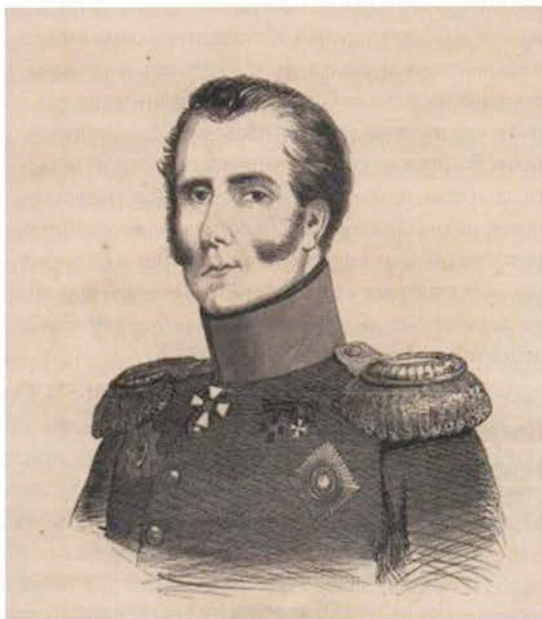
3. «Синоним ложного бесчестья

Иль подвиг ты, Березина?»

Для французов название реки Березина до сих пор означает позор, неудачу и катастрофу. В России чаще всего при этом приходит на ум либо имя Чичагова, либо сожаление об упущенной возможности пленить Наполеона и остатки его «великой армии».

Генерал-метеор Котляревский

*Его жизнь, как легенда, к которой
Прикоснулся и мой робкой стих.
Батальон против армии! Горы
Поражались безумию их!
Шах-Булатские крепкие стены
И Мухрат, опоясанный рвом,
Не сдержали их натиск. Смиренно
Преклонились пред русским орлом...
Шёл двенадцатый год. Принц «Аббаска»
Вновь несметные силы собрал.
Самовольно за воды Аракса
Котляревский ушёл и напал
Снова первым! И снова победа.
Враг разбит. Впереди Ленкорань.
Он за Славой, иль Слава по следу
Осеняла военную брань?
Вытек глаз, удар сабли, две пули
В голове. И «мешок из костей»
В Ольховатку солдаты вернули
И внесли в дом к отцу из сеней.
Своей Доблестью, броской и дерзкой,
И друзей, и врагов поражал.
Генерал-метеор Котляревский
Никогда поражений не знал!*

Неизвестный художник, «Портрет П. С. Котляревского», 1825 г.

Примечания:

1. «Батальон против армии!»

Батальон егерей под командованием майора Котляревского (1805 год) принял бой с армией Аббас-мурзы. (150 егерей против 40000 персов! Невероятно, как они сумели продержаться до наступления ночи на кладбище, где держали оборону.) Под покровом сумерек, потеряв половину егерей убитыми, Котляревский вывел отряд из осады (вместе с пушками!) и сходу атаковал соседний Шах-Булатский замок, выбил оттуда гарнизон персов и продержался там с егерями несколько дней. Выторговав 4 дня на раздумье о сдаче крепости, остатки батальона в последнюю ночь скрытно покинули замок (вместе с пушками!) и двинулись в сторону крепости Мухрат. Аббас-мурза настиг их в горах в пяти верстах от крепости Мухрат. Часть егерей прикрывала отход, остальные пошли на приступ крепости, окружённой выкопанным рвом. Передние солдаты своими телами заполнили ров, чтобы по ним прошли остальные, и даже перетаскивали пушки. Захватив Мухрат, егеря Котляревского продержались в осаде ещё восемь дней, пока из Тифлиса не подошла подмога!

2. «Самовольно за воды Аракса...»

После нападения Наполеона Кавказская армия не могла рассчитывать на помощь с континента. Аббас собрал огромную армию и собирался перейти через реку Аракс. Командующий Кавказской армии генерал Ртищев собирался оставить Грузию и отступить. Котляревский нарушил приказ и, самовольно перейдя за Аракс, атаковал Аббаса. Персов опять было больше, но на сей

раз всего лишь в 10 раз. Победа Котляревского была полной и безоговорочной. Котляревский сходу вышел к Каспийскому морю и атаковал крепость Ленкорань. Комендант крепости Садык-хан отклонил предложение о капитуляции. Это был последний бой Котляревского. В живых из четырёхтысячного гарнизона остался один перс, но и русские потеряли свыше тысячи человек, не считая раненых. Солдаты нашли тело Котляревского среди тел других погибших. «Вот и сподобился», — сказал один и перекрестился. Генерал открыл уцелевший глаз: «Я умер, но я всё слышу и уже извещён о победе нашей».

Василий Великий — генерал Г.В. Костенецкий

*Читатель, знаком ли тебе Костенецкий?
Отваге и силе Потёмкин дивился,
Когда юным отроком в Русско-турецкой
Войне под Очаковым он отличился.
Раскрашенный камень, на грушу похожий,
Решив посмеяться, подсунули дамы.
«Ах, сочная груша!» — и с хитрою рожей
Василий Великий размял в руках камень...
«Не ведра дырявые, чай, мои пушки,
Чтоб я их французским оставил сол-
датам.
Эй, Маслов, пошли!».* И казался игрушкой
В руках его меч с Оружейной палаты.
Два русских медведя вернулись обратно,
Отбив свои пушки назад — все четыре!

Джордж Доу, «Портрет В. Г. Костенецкого», ок. 1825 г.

*В парижской Вандомской колонне,
понятно,
Пошли на отливку другие мортиры.
Ты помнишь, читатель, тот бой Боро-
динский,
Где грудью сходились в бою рукопашном,
Когда генерал — богатырь исполинский,
Уланов бил банником, гневен и страшен?
Дошёл до Парижа под гром своих пушек.
Отставка. Причина — характер
солдата.
Вернулся на хутор, где вместо игрушек
Валил за рога быков в детстве когда-то.
Такие, как он, нужны там, где дерутся,
Где опыт с отвагой могли пригодиться.
В Кавказскую армию должен вернуться,
Но только не смог он покинуть столицу.
Спартаец по жизни, не знавший
болезней,
Кусок мышьяка разгрызал и смеялся.
Купался в сугробах в своей жизни преж-
ней,
Но за день скрутила холера — скончался.*

Примечания:

1. «Эй, Маслов, пошли!»

Фейерверкер Маслов был тоже богатырского сложения, не уступал в силе своему командиру, тогда ещё полковнику. Вырвавшись из окружения со своими людьми, Костенецкий узнал, что четыре пушки были брошены. Они вместе с Масловым вернулись за ними и... вытащили их, отбиваясь от французских солдат и перетаскивая их одну за одной одновременно! За этот подвиг Костенецкий получил орден Георгия, а Маслов стал кавалером Георгиевского креста, навсегда избавившего простого мужика от телесных наказаний.

2. «И казался игрушкой в руках его меч с Оружейной палаты...»

Специально для Костенецкого из Оружейной палаты Кремля был выписан гигантский меч — подарок английского короля царю, так как любой самый длинный палаш казался игрушкой в руках этого гиганта.

3. «В парижской Вандомской колонне...»

Из трофейных пушек, доставшихся Наполеону после Аустерлицкого сражения в 1805 году, была отлита Вандомская колонна в честь этой победы. Но там не было пушек Костенецкого! Наполеону доложили, что в русской артиллерии появились два геркулеса, которые перебили кучу французских солдат и вышли из окружения со своими пушками. Два года спустя, при заключении Тильзитского мирного договора, Наполеон поинтересовался фамилиями этих геро-

ев, но Александр уклонился от прямого ответа. «Да, сир, в русской армии много людей высокого роста», — ответил он.

4. «Уланов бил банником...»

В Бородинском сражении, когда уланы, захватив батарею Раевского, ворвались на батарею Костенецкого, генерал взял в руки банник (длинный шток для чистки орудийных стволов) и начал лупить им уланов. Глядя на него, канониры похватили, что попало под руку, и вступили в рукопашную, отбив натиск уланской конницы.

5. «Отставка. Причина — характер солдата...»

После победы над Наполеоном Костенецкий не ужился с начальством. Ещё во время войны командующий всей русской артиллерии генерал Ермолов был смёнён на князя Яшвилля, которого Костенецкий терпеть не мог. В мирное время командующий I армией барон Остен-Сакен пытался их помирить, но Костенецкий вспылил, наговорил дерзостей последнему, и ему было велено покинуть армию и удалиться на свою родину.

6. «В Кавказскую армию должен вернуться...»

Николай Первый срочно вызвал его в столицу в 1831 году и назначил командующим артиллерией в Кавказской армии, но его отъезду к месту назначения помешала эпидемия холеры, которая скрутила и унесла его в могилу за один день.

Генерал Раевский

«Этот русский генерал сделан из материала, из которого делают маршалы».

Наполеон о генерале Раевском

*Государственный муж и отец,
Генерал, полководец Раевский
Был потёмкинской школы птенец,
Что врывались в Историю резко.
Корсиканцу французский престол
Показался добычею малой —
Закипел европейский котёл
В век невиданной воинской славы!
Поднимал он в атаку солдат,
Под Салтановкой вёл в штыковую.
Беспримерной отваги парад —
В Бородинскую битву лихую...
Перед смертью опять же, как встарь,
Испытал он судьбины невзгоду —
Подкосил его силы декабрь,
Тот декабрь двадцать пятого года.*

Джордж Доу. «Портрет Н. Н. Раевского», ок. 1825 г.

Примечание:

«Подкосил его силы декабрь...»

По делу декабристов были привлечены к следствию оба сына, Александр и Николай. Были арестованы брат В. Л. Давыдов, оба зятя — генерал-майоры М. Ф. Орлов и С. Г. Волконский. Волконский и Давыдов были приговорены к каторге, куда за ними последовали их жёны. Женой Волконского была любимая дочь Раевского Мария.

А. П. Ермолов

*Из Пантеона Вечной Славы
Ещё с суворовских времён
Он к нам шагнул и встал по праву
В шеренгу лучших из имён.
Под львиной гривой сердца пылкость,
Которой испытать дано
И Петропавловку, и ссылку,
Аустерлиц, Бородино.
Свёл счёты с ним Освободитель,
Припомнил «немца» и Кавказ.
Вчерашний враг и покровитель
От этой участи не спас...
Под старость лет порой не спится,
Вопрос ответа не нашёл —
Что было бы, когда к столице
Кавказский корпус подошёл?*

Джордж Ду, «Портрет А. П. Ермолова», ок. 1825 г.

Примечания:

1. «И Петропавловку, и ссылку...»

За участие в смоленском офицерском кружке «Вольнодумцы» в 1798 году арестован по приказу Павла Первого и после содержания под следствием в Петропавловской крепости сослан в Кострому. Амнистирован и возвращён в армию в 1801 году Александром Первым.

2. «Свёл счёты с ним Освободитель...»

В данном случае имеется в виду Александр Первый, «освободивший Европу» от Наполеона. Официально Освободителем называют Александра Второго, отменившего крепостное право на Руси.

3. «Припомнил «немца» и Кавказ...»

На аудиенции, данной Александром Первым командиру конной артиллерией Ермолову вместе с генералом Костенецким, Александр в благодарность за отличные действия их в сражениях с Наполеоном предложил генералам выбрать себе награду. Ермолов сказал: «Ваше величество, сделайте меня... немцем», намекая на засилье немцев на руководящих постах в Русской армии.

4. «Вчерашний враг и покровитель

От этой участи не спас...»

Имеется в виду всеильный Аракчеев, который в начале военной карьеры недолюбливал и предвзято относился к нему. Позже, после выяснения отношений «наедине», переменял своё отношение к Ермолову и стал покровительствовать ему. В данном случае Аракчеев

предлагал императору назначить Ермолова главнокомандующим всей Русской армии, но Александр Первый послал его главнокомандующим Кавказской армии.

Забывтый полководец Барклай де Толли

*«О люди! Жалкий род, достойный слёз
и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведёт в восторг и в умиленье!»*
А. С. Пушкин, «Полководец»

*Я прикоснулся к боли, что время
сохранило:
За что Барклай де Толли забыт несправедливо?
В картинной галерее стоит особняком,
Что я сказать сумею сегодня сам о нём?
Простой солдат. Однако дошёл
до генерала.
Был ревностный служака, кого коснулась
слава,
Как будто на излёте, как будто
невзначай,*

Джордж Ду, «Портрет Барклая де Толли», 1829 г.

В мундирской позолоте застыл живой
Барклай.
Я вглядываюсь в лица вчерашних генералов:
В них гром Аустерлица, залог побед
и славы.
Военного министра в двенадцатом году
Молва осудит быстро, но я же не могу.
От битвы уклонился в войне с Наполеоном,
Зато объединился, дошёл к Багратиону.
В душе саднило скрыто «предательства»
пятно —
Пять лошадей убито под ним
в Бородино...

Примечания:

1. «Простой солдат. Однако дошёл до генерала...»
Родословная Барклая де Толли не относилась к аристократической, и он начинал службу, в отличие от многих, с низших чинов и до звания полковника. Для этого потребовалось 20 лет службы. Затем стремительный взлёт, и через семь лет он стал генерал-фельдмаршалом, обойдя десятки генералов, стоящих перед ним в табельном ранге по выслуге лет, чем нажил себе немало недоброжелателей.

2. «В душе саднило скрыто...»

Барклай де Толли тяжело переживал обвинения в предательстве и трусости. В Бородинском сражении, по воспоминаниям очевидцев, Барклай сам искал смерти, но судьба пощадила его, хотя под ним было убито и ранено пять лошадей.

Генерал М. С. Воронцов

*«Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуневежда,
Полуподлец, но есть надежда,
Что будет полным, наконец».*

А. С. Пушкин

*Ещё один пример забвенья,
Вернее славы, но худой...
Ему пишу стихотвореньё —
Он тоже был солдат. Герой
Из той плеяды генералов
Наполеоновских времён,
Перед которыми склоняла
Россия шёлк своих знамён.
Из наших дней смотрю и вижу,
Без всякой скидки и прикрас,
Бородино и штурм Парижа,
Новороссийск и вновь Кавказ.*

Джордж Доу, «Портрет М. С. Воронцова», ок. 1825 г.

*Злых эпитаграмм «пинок бесчестья»
Его от нас на время скрыл...
На всех постах он был на месте.
России преданно служил.*

Примечание:

**«Злых эпитаграмм «пинок бесчестья»
Его от нас на время скрыл...»**

Когда-то и я знал о нём лишь по эпитаграммам Пушкина. А ведь он участник многих сражений, в том числе под Смоленском, в Бородинском сражении был ранен, участвовал в битве народов в Лейпциге, участник взятия Парижа. Командовал русским оккупационным корпусом во Франции после победы над Наполеоном. Его портрет висит в галерее Зимнего дворца героев-генералов 1812 года. Да и на Кавказе многое связано с его именем.

В знак признания его заслуг перед Одессой, ввиду благочестивого образа жизни и многочисленных дел милосердия, он был с почестями похоронен в одесском Спасо-Преображенском кафедральном соборе. Позже, в 1880-м, там же была похоронена его жена. Однако в 1936 году собор был разрушен большевиками, могила осквернена, а прах Воронцовых просто выброшен на улицу. При этом металлическая капсула с прахом князя была вскрыта, а драгоценное оружие и ордена похищены. Горожане тайно перезахоронили останки Воронцова на Слободском кладбище Одессы. В 2005 году горсовет принял решение о перезахоронении праха Воронцовых в нижнем храме возрождённого Спасо-Преображенского собора. Своё благословение на перенос праха супругов Воронцовых со Сло-

П. И. Бабаяев, «Подвиг Леонтия Коренного», 1846 г.

бодского кладбища также дал митрополит Одесский и Измаильский Агафангел. Церемония перезахоронения состоялась 10 ноября 2005 года.

По некоторым данным, Михаил Семёнович, будучи на посту командира оккупационного корпуса, был вынужден продать полученное по наследству имение, чтобы расплатиться с французскими кредиторами за кутежи офицеров и гусар, которые, как правило, кутили в долг.

Дядя Коренной

*«Сам Бонопарт его прославил,
Приказ по армии послал,
В пример всем русского поставил,
Чтоб Коренного всякий знал...»*

Солдатская песня о Коренном

*«Мы помним дядю Коренного,
Он в нашей памяти живёт...»
И слава времени былого
Во всём величии встаёт.
Век благородства! Век жестокий,
И гул его в веках не смолк...
Я вижу, как входил в Европу
Лейб-гвардии Финляндский полк.
Под Лейпцигом в деревне Госса,
О коей в жизни не слышал,
Он командира спас, не бросил,
И сам в Историю попал.
Спиной к стене, схватив за дуло
Ружьё, «Не подходи!» — кричал.
И восемнадцать раз кольнуло*

*Штыком, пока он не упал...
Очнулся... госпиталь... народу!
«Ты знаешь, кто я? Отвечай!» —
«Кажись, сам Бонопартый вроде». —
«Проси, что хочешь». — «Не замай!»
Французы вылечат героя.
Приказ бессмертье принесёт...
И слава, оживив былое,
Во всём величии встаёт.*

Примечания:

1. «Он командира спас, не бросил...»

Старослужащий дядя Коренной, награждённый Георгиевским крестом за мужество ещё за Бородинское сражение, 4 октября 1813 года в «битве народов» под Лейпцигом в селе Госса принял командование на себя. Спас не только раненого командира полковника А. К. Жервье, но и других раненых офицеров и солдат, перекинув их через высокую стену, а сам с горсткой солдат принял неравный бой.

2. «И восемнадцать раз кольнуло Штыком, пока он не упал...»

Хвала и слава убелённым сединами гренадерам старой гвардии Наполеона! Уважая мужество Коренного, который остался один, но не желал сдаться в плен, они кололи его штыками «не до нутра, нанося раны полегше, чтобы не до смерти...», как говорил впоследствии сам Коренной русским докторам, которые не верили, что после восемнадцати штыковых ран можно выжить.

3. «Французы вылечат героя. Приказ бессмертье принесёт...»

После посещения госпиталя Наполеон приказал поставить героя на ноги и в приказе по армии привёл Коренного в пример своим солдатам как образец мужества для подражания.

За этот подвиг царь Александр наградил Коренного личной именной медалью. Он был списан со службы вчистую, по ранениям, и вернулся в Кронштадт, к своей супруге. Дата смерти неизвестна. В 1903 году в честь столетия Финляндского полка офицеры на свои сбережения установили бронзовый памятник дяде Коренному. До самой революции все офицеры, входя в парадное здание офицерского собрания, отдавали честь памятнику и снимали перед ним фуражку! Большевики снесли памятник. Не знаю, чем он им помешал. ☹

Подготовка материала к печати и вступительная заметка

Светланы Бестужевой-Лады.

«МАЛЕНЬКИЕ САДЫ» ДЖАКОМО ПУЧЧИНИ

Денис Логинов

Личная жизнь Джакомо Пуччини была такой же яркой, как и его восхитительные оперы. Но только сейчас, в год 150-летия со дня рождения знаменитого итальянского композитора, удалось раскрыть тайну, которая в своё время сыграла особую роль в его жизни и чуть не поставила крест на карьере композитора.

Юбилей со скандалом

Почти тридцать лет назад Симонетта Гиурумелло выиграла дело в суде и получила разрешение официально считаться дочерью Антонио Пуччини, сына великого композитора, и носить его фамилию. Сейчас она является владелицей виллы Джакомо Пуччини в тосканском местечке Торре дель Лаго. Там открыт музей композитора, в котором можно увидеть его пианино, рукописи, фотографии и охотничьи ружья. Каждое лето в этой деревушке проходит фестиваль великого Пуччини.

Синьора Пуччини, по её словам, очень надеялась, что в год 150-летия со дня рождения Джакомо Пуччини человечество будет изучать его музыкальное наследие. Говорить обо всём человечестве, конечно, нельзя, а вот Италия увлечённо следит за борьбой Симонетты и жительницы Пизы по имени Надя Манфреди, которая утверждает, что тоже является внучкой композитора. По словам Нади, у её бабки Джулии был с ним длительный роман, в результате которого родился отец синьоры Манфреди, ночной портье по профессии и, по странному стечению обстоятельств, тоже Антонио. Он скончался в 1988 году, так и не узнав имени своего настоящего отца. Сейчас Надя Манфреди официально требует сравнить ДНК композитора и её отца и утверждает, что её интересуют не деньги, а только истина.

Утверждения Нади привели Симонетту Пуччини в бешенство. Она называет их «нападками на частную жизнь маэстро и его семьи» и считает себя единственной наследницей. Все заборы в Торре дель Лаго и Виареджо Симонетта увешала плакатами «В защиту Джакомо Пуччини», в которых просит жителей этих деревень и гостей подписать петицию с требованием защитить его память от «инсинуаций и выдумок».

Компанию внучкам может составить и внук, Джакомо Джованнони, бывший управляющий виллы в Торре дель Лаго, утверждающий, что его отец Клаудио был незаконным сыном композитора от служанки, и тоже требующий провести анализ ДНК.

Этот спор Симонетты и Нади уходит своими корнями в один из самых мрачных эпизодов в жизни великого итальянского композитора...

Трагедия на озере Массакьюколли

Джакомо Пуччини был самым коммерчески успешным композитором всех времён и народов. К моменту своей смерти в 1924 году он «стоил» около четверти миллиарда долларов в нынешних ценах.

Шесть лет назад Миланский суд решил, что две трети состояния Джакомо Пуччини достанутся государству, а треть отойдёт его внучке Симонетте. Вилла в Торре дель Лаго стала её собственностью, а вилла в Виареджо — государства. За третью виллу, в Лукке, на родине Пуччини, Симонетта сейчас борется в суде с городскими властями.

Суд поделил и роялти от исполнения произведений маэстро, которые станут общим достоянием в 2022 году. Все эти отчисления — с 2003-го по 2022 годы — пойдут в казну. Накопившиеся на счёте за 78 предыдущих лет роялти поделены из расчёта: две трети государству, треть Симонетте Пуччини.

После смерти Пуччини в 1924 году наследство перешло к его сыну Антонио, у которого в 1928 году родилась незаконная дочь Симонетта. Поскольку в то время итальянское государство не признавало права незаконных детей, после смерти Антонио наследство перешло к его жене Рите Делль'Анна.

Рита скончалась в 1979 году бездетной, и наследство маэстро перешло к её брату Ливио. После смерти холостяка Ливио в 1986 году Паскуале Белладонну, его дворецкого, обвинили в попытке украсть деньги, но позже оправдали.

Большую часть своих миллионов маэстро из Тосканы заработал в «чудесные» годы (1896-1904 гг.), когда одну за другой написал три великолепные оперы, которые имеются в репертуаре всех более-менее приличных оперных театров и считаются наиболее исполняемыми операми в истории музыки. И «Богему» (1896 год), и «Тоску» (1900 год), и «Мадам Баттерфляй» (1904 год) маэстро сочинил в Торре дель Лаго, на берегу озера Массакьюколли.

Он купил землю в деревне, расположенной в 20 км от Лукки, построил на ней виллу и прожил там до 1921 года, когда загрязнение, вызванное торфяными разработками на озере, заставило его переехать в Виареджо, расположенный в нескольких километрах к северу.

Следующую после трёх шедевров оперу — «Девушка с Запада» — Джакомо Пуччини написал лишь в 1910 году. Эта опера, уверяют критики, не идёт ни в какое сравнение с тремя предыдущими.

Долгие годы считалось, что «творческая засуха» маэстро была вызвана самоубийством горничной, которая работала на его вилле в Торре дель Лаго. История эта хорошо известна. 23 января 1909 года Дория Манфреди совершила самоубийство, проглотив три таблетки сулемы. Мучительная смерть от отравления ртутью затянулась на три дня.

В смерти Дории все винули Эльвиру Бонтури, 49-летнюю жену композитора. Эльвира, женщина очень ревнивая, обвиняла горничную в романе с супругом и обещала утопить её в озере. Перед смертью Манфреди попросила провести её вскрытие, на этом же настаивала и её семья. Проведённое по решению местного суда вскрытие Дории Манфреди показало, что она была девственницей.

Эльвиру судили за клевету. Её признали виновной и приговорили к 5 месяцам и 5 дням тюремного заключения. Тюремь Эльвире Бонтури удалось избежать лишь после того, как её муж заплатил Манфреди очень большую по тем временам компенсацию — 12 тысяч лир. Отношения между Джакомо и Эльвирой окончательно испортились, они несколько месяцев жили отдельно.

Но эта трагедия едва ли могла стать причиной (по крайней мере, главной) того, что работа над «Девушкой с Запада» заняла у Пуччини семь лет. Не очень совпадают и даты, потому что Эльвира начала преследовать Дорию лишь в октябре 1908 года.

И только совсем недавно стало известно, что же именно происходило на вилле Пуччини ровно 100 лет назад.

Могучий охотник на прекрасный пол

Джакомо Пуччини жил в рыбацкой деревушке Торре дель Лаго с гражданской женой, приёмной дочерью и сыном. Здесь он писал музыку, катался на машинах и на катере по озеру, охотился. Маэстро обожал охоту и любил называть себя «могучим охотником на дичь, оперные либретто и привлекательных женщин».

Хорошо известны романтические отношения Пуччини и Сибил Селигман, жены банкира, с которой он познакомился в 1904 году в Англии. Он порвал с Сибил после того, как нанятый им частный детектив выяснил, что кроме него она встречается и с другими мужчинами.

В 1911 году маэстро завёл роман с немецкой аристократкой, баронессой Джозефиной фон Стангель, длившийся почти шесть лет.

В далеко не полный список привлекательных женщин, с которыми у великого композитора в разное время были романы, входят писательница Маргит Весци, оперная певица Роза Адлер, Бланка Лендвай — сестра Эрвина Лендвая, венгерского композитора, которому Пуччини помогал, — и другие.

Именно охота на привлекательных женщин и привела Джакомо к глубокому кризису, отголоски которого слышатся на берегах озера до сих пор.

Началось всё не с самоубийства Дории Манфреди, а восемью годами ранее, когда Пуччини ещё работал над «Мадам Баттерфляй». Для маэстро было в порядке вещей влюбляться во время работы над операми. Он называл эти романы своими «маленькими садами». Во время работы над «Мадам Баттерфляй» Джакомо влюбился в молоденькую девушку, с которой встретился в Турине и которую называл Коринной. Увлечение оказалось таким сильным, что Эльвира в отчаянии собиралась даже уйти от него.

Джакомо Пуччини и Эльвира Бонтури тогда ещё не были женаты. Эльвира была женой его школьного друга. Познакомились они в 1884 году, когда Пуччини учил её играть на пианино, и вскоре между ними вспыхнуло страстное чувство. В 1886 году беременная Эльвира с громким скандалом ушла к композитору. В Торре дель Лаго она привезла и свою шестилетнюю дочь Фоску, а в 1886 году родила Пуччини сына. Они не могли жениться, потому что в то время в Италии разводы при живых супругах были невозможны.

Впрочем, гражданский брак вполне устраивал композитора. Он неоднократно говорил, что очень «любит влюбляться», и с удовольствием дразнил Эльвиру своими «маленькими садами». Однако в этот раз мимолётное увлечение переросло в настоящий бурный роман. Некоторые биографы маэстро считают, что он даже обещал Коринне жениться на ней.

25 февраля 1903 года в жизни Джакомо Пуччини произошло несчастье. В ту ночь он попал в автомобильную аварию, первую, кстати, которая широко освещалась в итальянской прессе. Его нашли под перевернувшейся машиной со сломанной правой ногой, едва не задохнувшегося от паров бензина. По удивительному повороту судьбы, на следующий день Эльвира стала вдовой, и со смертью её мужа Нарцисо Геминани исчезло последнее препятствие на пути к официальному браку после 17 лет совместной жизни.

Симонетта Гурумелло

Травмы оказались серьёзными и зажили очень долго. Для ухода пришлось нанять сиделку, которой оказалась 16-летняя жительница Торре дель Лаго по имени Дория Манфреди, дочь одного из жителей деревни, с кем нередко охотился композитор.

Джулио Рикорди, издатель и большой друг Пуччини, попытался уговорить прикованного к постели маэстро бросить Коринну. Джакомо нанял частного детектива и вскоре узнал, что любовница его обманывает. Она была не такой уж наивной и невинной, как притворялась, встречалась с другими мужчинами, при этом ещё и брала с них деньги.

Пуччини пришёл в ярость. Он написал ей письмо, в котором, не стесняясь в выражениях, сообщил, что между ними всё кончено.

Обиженная Коринна заявила, что намерена обратиться в суд и обвинить Пуччини в том, что он не сдержал слова и не женился на ней, а также пригрозила рассказать об их романе всему свету.

Джакомо страшно перепугался, о чём свидетельствует сохранившаяся записка Эльвиры.

«За это дело (нарушение обещания) ты можешь отправиться в тюрьму, — писала она. — Я хорошо помню, как мы получили её письмо. Ты прочитал его, испугался и решил бежать в Швейцарию...»

Не так давно музыковед Дитер Шиклинг и писатель Гельмут Крауззер выяснили, что «спасение» пришло в виде отца Коринны. Его

Дория Манфреди

Джулия Манфреди

Надя Манфреди

арестовали и осудили за сексуальное домогательство к несовершеннолетней девушке, после чего шансы Коринны победить в суде резко упали. Едва ли в Италии найдётся суд, объяснил ей адвокат, который станет слушать обвинения о нарушении обещания жениться от дочери человека, осуждённого за сексуальные домогательства. Джакомо Пуччини был спасён.

Шиклинг и Крауззер также обнаружили, что переписка Пуччини с Коринной хранится не в его архиве, а у родных сестры Эльвиры Бонтури. Возможно, хорошо зная характер мужа, она решила сохранить их на всякий случай, чтобы показать, если он вновь увлечётся какой-нибудь женщиной.

3 января 1904 года, через неделю после окончания работы над «Баттерфляй», как только миновали 10 месяцев, положенные по закону после смерти супруга, Джакомо Пуччини и Эльвира Бонтури стали мужем и женой.

Таинственная Мини

«Личная жизнь и творчество Джакомо Пуччини всегда были тесно связаны между собой, — считает Вивьен Хьюитт, специ-

алист по классической музыке. — Его разочарование и печаль после разрыва с Коринной наверняка помогли ему написать последний акт «Мадам Баттерфляй» с очень мощной по трагическому стилю музыкой».

После «Мадам Баттерфляй» униженный маэстро не мог ничего сочинить почти семь лет. Когда же состоялась премьера «Девушки с Запада», все были удивлены, встретившись с новой героиней Пуччини. Она была не жертвой,

как Мими или Баттерфляй, и не ревнивой разрушительницей, как Тоска. Мини, новая героиня маэстро, оказалась жёсткой деловой женщиной, владелицей салуна в городке золотоискателей в Калифорнии.

Всех, естественно, интересовало, где Джакомо Пуччини нашёл этот новый образ? Паоло Бенвенути, итальянский режиссёр, снявший «Пуччини и девушка» (фильм о личной жизни композитора, премьера которого состоялась на Венецианском кинофестивале), считает, что нашёл ответ.

Он в течение шести лет изучал «тёмный» период в жизни Пуччини и самоубийство Дории Манфреди. От него не укрылось, что, сочиня оперы, Джакомо Пуччини всегда влюблялся в женщин, похожих на его оперных героинь. Однако никакого сходства между Дорией и героиней «Девушки с Запада» он, как ни старался, найти не смог.

Зато выяснил, что в жизни великого маэстро была другая женщина, очень похожая на независимую и умевшую обращаться с кольцом хозяйку салуна Мини. Ею оказалась не Дория Манфреди, а её кузина Джулия.

Джулия владела ресторанчиком, куда часто заглядывали охотники и фермеры. «Шале Эмилио», названное в честь её отца, Эмилио Манфреди, и сегодня стоит на берегу озера Массакьюколли против виллы Пуччини. В Джулии Манфреди уживались противоположные черты характера: она была одновременно независимой и властной, мягкой и ласковой.

Бенвенути узнал, что у Джулии и Джакомо Пуччини родился сын Антонио, носивший фамилию матери. Семью Манфреди режиссёр нашёл в скромном доме в Сисанелло, пригороде Пизы. Дверь ему открыла дочка Антонио Надя Манфреди, домохозяйка, всю жизнь проработавшая парикмахером. Бенвенути сразу обратил внимание на сходство между Надей Манфреди и Джакомо Пуччини, особенно глаза у них были похожи.

Надя рассказала, как страдал от неизвестности отец, и показала покрытый толстым слоем пыли чемодан Антонио Манфреди, который много лет пролежал в подвале и в котором оказалось несколько десятков писем и документов, открывавших правду о самоубийстве Дории. Кстати, адвокаты Симонетты Пуччини заставили Бенвенути убрать из фильма упоминания о них.

Самым важным из найденных документов была написанная рукой Пуччини на двух листах бумаги из миланской гостиницы хронология событий, приведших к смерти Дории Манфреди.

Маэстро вставил трагедию из своей жизни в «Турандот»

Всё оказалось значительно сложнее, чем ревность Эльвиры Бонтури и преследование невинной служанки. Трагедия разыгралась в конце сентября 1908 года, когда Пуччини написал Дории, что возвращается в Торре дель Лаго, и попросил открыть дом и подготовиться к его приезду. К тому времени он нашёл свой очередной «маленький сад» в лице Джулии Манфреди и уже работал над «Девушкой с Запада».

На вилле Дория Манфреди совершенно случайно обнаружила Фоску, приёмную дочь Пуччини, развлекавшуюся с Гвельфо Сивинини, автором либретто «Девушки с Запада». Двадцативосьмилетняя Фоска была замужем за импресарио Сальваторе Леонарди. Боясь скандала, она решила дискредитировать Дорию и обвинила её в романе с Пуччини.

Эльвира тут же уволила горничную. Расстроенная Дория написала Пуччини письмо, в котором сообщила всю правду. Маэстро тайно встретился с ней и пообещал всё уладить. Трудно сказать, пытался ли он сдержать слово, но известно, что Эльвира, узнав, что горничная обвиняет в измене её дочь, пришла в ярость.

Она вне всяких сомнений в то время шпионила за мужем и однажды ночью застала его в компрометирующем положении с другой женщиной, решив, что это Дория Манфреди.

При встрече с сёстрами Манфреди Эльвира назвала Дорию сплетницей и дрянью, в присутствии свидетелей — проституткой и развратницей, обвинила горничную в том, что та бежит за её мужем, и пообещала рано или поздно утопить в озере. Потом заявила, что Джулия Манфреди была посредницей между Пуччини и Дорией, и сказала, что ноги Дории больше не будет в Торре дель Лаго.

Дория оказалась в незавидном положении. Она не могла доказать свою невинность, потому что тогда пришлось бы предать кузину и маэстро, которого она действительно обожала и перед которым преклонялась.

Самоубийство Дории имело для семейства Пуччини большие последствия. Во-первых, на какое-то время отношения между Джакомо и Эльвирой испортились до такой степени, что многие советовали ему развестись. Во-вторых, Леонарди узнал правду и принялся шантажировать супругу. Фоска попросила деньги у матери и была вынуждена всё ей рассказать. Денег у Эльвиры тогда не было, и ей пришлось обратиться

к мужу. Таким образом, Пуччини получил окончательное подтверждение невинности Дории.

Маэстро помирился с Эльвирой, заплатил семье Манфреди большие деньги, чтобы они забрали иск. Получил желанную сумму за молчание и Леонарди. По мере того как итальянцы забывали об этих бурных и трагических событиях, к Джакомо Пуччини начала постепенно возвращаться способность творить.

С Джулией Манфреди он, несмотря на присутствие в его жизни и других женщин, не расставался до самой смерти. В июне 1923 года Джулия родила сына. Мальчика назвали Антонио, в честь деда великого композитора, и отдали его кормилице из Пизы, которой платили большие по тем временам деньги — тысячу лир в месяц. Отцовство Пуччини, кстати, косвенно доказывает и то, что после его смерти деньги поступать перестали.

Антонио Манфреди умер в 1988 году, так же как и маэстро — от опухоли. Судя по фотографиям, он был очень похож на отца. По линии Манфреди до сих пор сохраняется очень сильное внешнее сходство. Надя Манфреди, её дочь Гиада и внук Джакомо Манфреди, которому сейчас десять лет, — все похожи на Пуччини в юности.

20 февраля этого года Надя Манфреди обратилась в миланский суд с требованием сравнить ДНК композитора Джакомо Пуччини и её отца Антонио Манфреди. Против этого категорически выступает Симонетта, уже доказавшая, что она является дочерью законного сына композитора, Антонио.

Опера «Турандот», закончить последний акт которой Пуччини помешала смерть от сердечного приступа, вызванного серьёзной операцией на горле, по утверждениям критиков, не уступает «Богеме», «Мадам Баттерфляй» и «Тоске». В 1922 году работа над оперой, рассказывающей о мстительной китайской императрице, ненавидящей людей, зашла в тупик. Продолжить работу маэстро сумел лишь после того, как либреттисты по его просьбе ввели в сюжет молоденькую служанку, которая предпочла предательству героя оперы смерть и покончила с собой. Вина за смерть Дории Манфреди преследовала Пуччини до последнего дня его жизни... ☞

ДОСТУПНАЯ СРЕДА И УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН

Фонд содействия
реализации Конвенции
о правах инвалидов

Реклама

ФОНД ПОМОЩИ ИНВАЛИДАМ РЕАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА КОНКРЕТНЫХ ЛЮДЕЙ КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Фонд создан для содействия реализации Конвенции ООН о правах инвалидов.

В выступлениях первых лиц государства мы часто слышим, что надо проявлять заботу о людях с ограниченными возможностями, в особенности о детях-инвалидах. Но мы верим, что эти начинания могут рождаться в ваших сердцах не только по призыву. Став благотворителем Фонда, Вы примете участие в решении острейших социальных проблем, поможете самым незащищенным людям.

Жить в стране, где 14 миллионов инвалидов, и не замечать их бед и страданий, неуютно, безразлично и тревожно.

- УСТРАНЯЕМ БАРЬЕРЫ
- ОТКРЫВАЕМ ВОЗМОЖНОСТИ
- ДОБИВАЕМСЯ РАВЕНСТВА

200 000 деревьев — МНОГО ЭТО или мало?

Это целый лес, выращенный детскими
руками с помощью Гринпис.

Хотите узнать больше?
Отправьте СМС* с текстом
"Лес 4" на номер
8-903-746-76-46
и мы расскажем, чем Вы
можете помочь проекту
"Возродим наш лес"!

* стоимость отправки СМС -
согласно тарифу вашего оператора связи.

ВОЗРОДИМ НАШ ЛЕС!

www.GREENPEACE.ru

При поддержке Правительства Москвы
Комитет общественных связей города Москвы

Совет ректоров Москвы и Московской области
Московский Открытый Студенческий Театр

27 ИЮНЯ

Концертный Зал Мэрии Москвы (Новый Арбат, 36/9)

**ГАЛА-КОНЦЕРТ С УЧАСТИЕМ ЗВЕЗД ЭСТРАДЫ,
ТЕАТРА, КИНО, СПОРТА, КВН**

ЯРМАРКА ВАКАНСИЙ, ДИСКОТЕКА

Начало в 18:00

Генеральные информационные партнеры:

Заказ билетов по тел. 699-81-37, 699-88-46, www.sadovaya6.ru

CONCERT.RU БИЛЕТЫ БЕЗ НАЦЕНКИ **644 2222**

ООО «КОМБЕРТ. РУ», ОГРН 105748743600
127051, г. МОСКВА, ЦЕЛЮТНОЙ БУЛЬВАР
д.30, СТР.3

АГЕНТСТВО БЕЗ НАЦЕНКИ
748-17-98 TS1.RU

ООО «Интерим Пресс», ОГРН 102760611206
119988, Москва, ул. Пелопонесская, д. 8, стр. 2

9377737 **ticketland**
125080, Москва, ул. Б. Рабочая, д. 4

ООО «Совинформ Арт Театр», ОГРН 1027709038440
105080, Москва, ул. Б. Рабочая, д. 4

КАЗУС **730-730-0**

ООО «Каспер ру», ОГРН 105747966151
127055, Москва, ул. Новослободская, д. 36/1, стр. 1